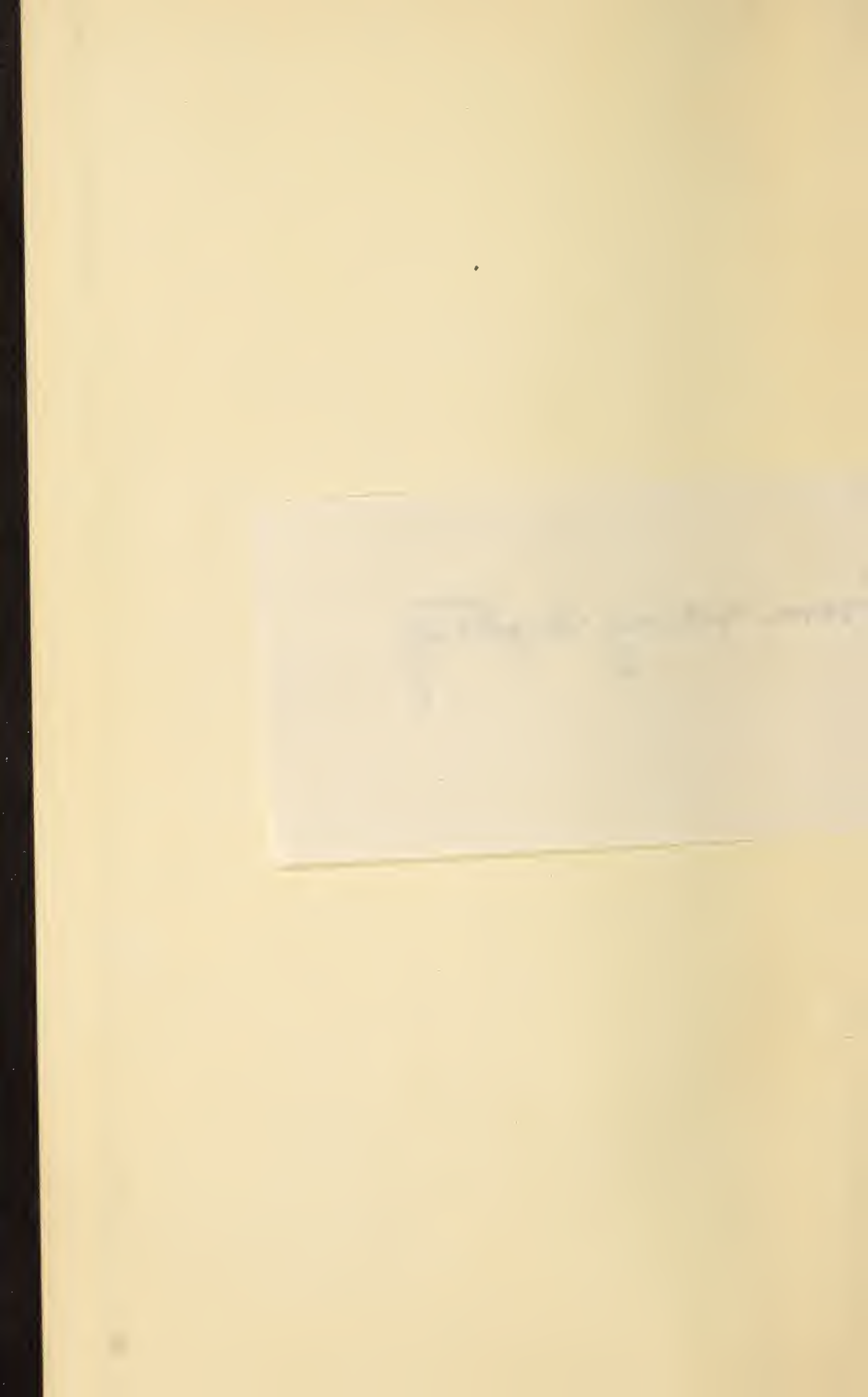

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Drum very lightly

ВѢНОКЪ

НА МОГИЛУ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

ФИЛАРЕТА.

Его жизнь, труды, заслуги, проповѣди, его значенiе для православной церкви и его кончина.

МОСКВА.

1868.

Въ Бозѣ Почившій Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Московскій

ФИЛАРЕТЪ

19 Ноября 1867 года.

ФИЛАРЕТЪ

Митрополитъ Московскій.

Дозв. Ценсурой Москва Февраля 19 д 1868 г. Лит: А.И. Стрѣльцова прот. Лефор. Час. д. Малаховой

Vienok na mogilu vysokopre-
osviashchennago mitropolita
moskovskogo Filareta.

ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

ФИЛАРЕТА.

Его жизнь, труды, заслуги, проповѣди, его значеніе для православной церкви и его кончина.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

I.

Когда въ нашей какой-бы то ни было отрасли жизни уходитъ одинъ человѣкъ—мы о немъ плачемъ, ибо люди, радѣющіе для насъ, радѣющіе для славянской самостоятельности, очень рѣдки. Эти люди являются иногда вѣками. Иногда то бываютъ люди, занимающіеся объясненіемъ вѣковыхъ истинъ, т. е. люди, которые заботятся о развитіи идей, изъясняющихъ тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ славянскій міръ представляетъ собою нѣчто разъединенное. Иногда то бываютъ ученые, которые заботятся только объ описаніи тѣхъ первоначальныхъ отраслей народа, которые составили громаднѣйшее государство Европы. Мы имѣемъ въ виду не этихъ людей, ни тѣ, ни другіе не могутъ занимать насъ въ настоящее время, ибо у насъ иная цѣль. Мы беремъ очень, можетъ быть, исключительную цѣль; цѣль эта, можетъ быть, по мнѣнію многихъ, и не достойна вниманія, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ своею обязанностію выразить тѣ чувства русскаго народа, вслѣдствіе которыхъ каждый русскій

человѣкъ исполненъ глубокою скорбію и глубокимъ сожалѣніемъ. Мы хотимъ знать, почему же эта скорбь и глубокое сожалѣніе такъ сильно обуяетъ насъ? Эта скорбь потому такъ сильна въ насъ, что мы потеряли архипастыря, который въ продолженіи 50-ти лѣтъ направлялъ все наше вѣрованіе или, вѣрнѣе сказать, не вѣрованіе, ибо религія отъ самаго Бога, но то глубокое увѣрованіе въ таинства вѣры, которое составляетъ самую сущность религіи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, глубокій умъ которыхъ, изслѣдуя самыя тайныя вещи религіозныхъ глубокомыслій, объяснялъ ихъ такъ понятно для каждаго, что для самаго простаго ума они являлись ясными и простыми. Такимъ образомъ самые высшія явленія Божественнаго міра, казавшіяся простому уму непонятными, вслѣдствіе его объясненій обращались въ удобопонятныя истины.

И такъ, одинъ изъ сихъ людей, которые объясняли намъ истины христіанской церкви—угасъ.

Его нѣтъ у насъ. Онъ умеръ. Утрата эта громадна: въ настоящую минуту мы еще не можемъ оцѣнить всей великости этой утраты; она такъ близка и такъ еще недавно слышалось то важное и величавое слово, которое увлекало насъ, что мы находимся въ глубокомъ смущеніи. Да, умолкло слово, проповѣдывашее намъ о любви и вѣрѣ. Онъ проповѣдывалъ намъ, и не однимъ только намъ, а и всему міру, который желалъ бы спа-

стися, основанія тѣхъ Божественныхъ правилъ, которыя преподаны намъ первоучителями христіанства. Такъ напримѣръ:

Онъ говорилъ: житіе монашеское должно быть благоустроено на незыблемомъ основаніи слова Божія, оно должно имѣть пособіемъ наставленіе и примѣры Св. Отецъ, ибо только на семъ основаніи познаніе духовной жизни и спасенія воздвигается прочно и благонадежно. Что строется на пескѣ, то падаетъ.

Тотъ, кто далъ обѣтъ послушанія и отреченіе отъ своей воли, долженъ основывать этотъ обѣтъ на словахъ Евангелія.

Кто даетъ обѣтъ цѣломудрія, тотъ долженъ внимать слову Христову, говорящему, что только единственно, прибѣгшій къ Господу можетъ Ему угодить. Такъ же дающій обѣтъ не стяжанія, долженъ знать Христово слово. И такимъ образомъ, все, что мы говорили основывается на томъ самомъ высокомъ и великомъ словѣ, отъ котораго происходитъ вся сущая на земли.

И отъ этихъ главныхъ началъ должны происходить и къ нимъ быть примѣняемы всѣ правила и распоряженія, устрояющія братство монастырей въ совокупности и поведеніе каждаго лица въ братствѣ, простирающееся не только на жизнь духовно-нравственную, но и на состояніе внѣшняго благочинія и хозяйства.

Остановимся здѣсь на нѣкоторое время и подумаемъ

*

до какихъ высокихъ требованій доходитъ великій человѣкъ. Какъ просты и вмѣстѣ съ тѣмъ полны христіанственности эти требованія. Да, то былъ такой человѣкъ, предъ которымъ всѣ требованія жизни должны были сами собою преклониться. Онъ вышелъ изъ класса, который никогда не пользовался большими привилегіями. Изъ этого класса мы знали и не одного человѣка, явившаго собою великія силы,—изъ этого класса мы знали людей, которые являли собой величайшій административный умъ, но мы не знали ума болѣе обширнаго, болѣе, такъ-сказать, космополитическаго, каковъ былъ умъ отшедшаго въ вѣчность митрополита Филарета.

Каждый умъ—обращается на что-либо единое, такъ мы знаемъ, умы глубоко-философскіе, умы глубоко-практическіе. Точно также мы знаемъ умы, которые философію соединили съ практикою, но что такое философскій умъ, когда онъ не освѣщенъ вѣрой: этотъ умъ—заблужденіе. Онъ необходимо долженъ вести къ заблужденію. Но глубоко-философскій, глубоко-ученый умъ покойнаго митрополита Филарета не могъ заблуждаться, ибо путеводной звѣздою для него сіяла вѣра.

Когда древній міръ вслѣдствіе историческихъ причинъ распался—тогда величайшимъ выраженіемъ явился тотъ, о которомъ было сказано, что онъ будетъ. И тотъ, кто будетъ — явился Христосъ. Онъ всегда былъ, есть и

будетъ, и его ученіе есть то, которое всегда несомнѣнно, и поэтому, еслибъ когда-нибудь могло бы явиться что либо противорѣчащее Тому вѣчно сущему, предъ которымъ мы преклоняемся, то это было бы ложью. Слѣдовательно, тотъ, кто всю жизнь свою употреблялъ на проповѣдь того, что истинно и вѣчно, тотъ необходимо долженъ быть истиннымъ учителемъ.

Онъ былъ истиненъ, ибо онъ проповѣдывалъ истину. Онъ былъ справедливъ, ибо онъ никогда не отступалъ отъ справедливости. Мы почти повторяемъ въ этомъ случаѣ ту самую справедливость, отъ которой онъ никогда не отступалъ. Мы вспомнимъ всѣ тѣ его дѣйствія, предъ которыми мы должны изумляться. Мы вспомнимъ всѣ его благія дѣла, отъ которыхъ мы получили возмездіе. Мы вспомнимъ, наконецъ, всѣ тѣ его глубокія умствованія, вслѣдствіе которыхъ онъ, который говорилъ такъ тихо, что его едва только можно было слышать за два человѣка, производилъ на слушателей такое впечатлѣніе, что они плакали.

Плачъ. Что это такое? Происходитъ ли онъ вслѣдствіе прямого сообщенія тѣхъ самыхъ словъ, отъ которыхъ вслѣдствіе умственнаго созерцанія замираетъ сердце? Нѣтъ, это не то. Умъ есть такое проявленіе человѣческаго духа, вслѣдствіе котораго я такъ глубоко проникаюсь мыслію человѣка, мнѣ совершенно посторонняго, что всѣ его помыслы становятся какъ бы родными мнѣ; кромѣ

того, онъ долженъ выяснить мнѣ этотъ самый вопросъ до такой степени ясности, чтобы и малѣйшей степени сомнѣнія не оставалось во мнѣ; онъ долженъ выяснить всѣ свои положенія, такимъ образомъ, чтобы всѣ нечаянныя даже противорѣчія были мнѣ ясны, и чтобы изъ этого всего вышло для меня совершенно цѣльное представленіе. И никто столь ярко не выражалъ всѣхъ этихъ требованій, какъ высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ.

Когда его не стало—мы всѣ ужаснулись.... Мы не ужаснулись даже, а нами овладѣло какое-то смущеніе, и вслѣдъ за нами вся Москва ощутила то же смущеніе. Мы давно знали его, мы знали его тихаго, блѣднаго, едва двигающагося, къ которому подходилъ всякій, который вѣрилъ въ истины религіи, исповѣдуемой всѣми нами. И онъ тогда кротко благословлялъ насъ. Мы помнимъ его блѣднаго, худаго, но всегда думали, что Господь сохранитъ еще хотя на нѣсколько времени жизнь его намъ. Эта жизнь такъ быстро умчалась отъ насъ. Мы не скорбимъ объ этой ушедшей жизни, ибо человѣкъ этотъ совершилъ столько въ своей сферѣ дѣятельности, что мы по своему несовершенству можемъ даже удовлетвориться ею.

Но въ чемъ замѣчается это удовлетвореніе? Удовлетворяемся-ли мы ею по тому случаю, что онъ столько времени велъ насъ по пути истинно-православнаго про-

свѣщенія, или по тому, что мы вслѣдствіе его глубокаго ума шли за нимъ. Нѣтъ, мы видимъ въ немъ тотъ великій и неугасаемый свѣтильникъ и ума и просвѣщенія, который свѣтилъ намъ впродолженіи 50 лѣтъ. Быть можетъ, иной свѣтильникъ засвѣтитъ намъ, но кто такъ сильно овладѣетъ народными чувствованіями и народнымъ вѣрованіемъ какъ овладѣвалъ имъ покойный.

Онъ былъ архипастыремъ въ теченіи трехъ царствованій и въ продолженіи этихъ трехъ царствованій онъ воздвигъ камень вѣры; онъ поставилъ православную русскую церковь на такую степень высоты, на какой она должна была стоять.

Разберемъ хорошенько это: наши старообрядцы не разъ старались опровергнуть истины православной религіи—всѣ эти препиранія силою тѣхъ словъ, которыя исходили прямо отъ Митрополита Филарета, были разбиваемы, какъ волны о неприступныя скалы. Понятное дѣло, что во многихъ случаяхъ эти препирательства и не могли бы имѣть успѣха, но покойный Филаретъ своими дѣйствіями заставилъ многихъ изъ нихъ отказаться отъ своихъ ложныхъ ученій и перейти въ православную церковь. Мы не станемъ подкрѣплять этихъ нашихъ положеній фактическими данными, ибо эти данныя всѣмъ извѣстны, но можемъ сказать, что вмѣстѣ со смертію Московскаго митрополита, стремившагося

къ объединенію всѣхъ нашихъ церквей, быть можетъ, многое даже и утратилось.

Утратилось.... что мы говоримъ? и кого не стало? Не стало Филарета. Съ какимъ благоговѣйнымъ смущеніемъ и даже ужасомъ вняла этому слуху Москва, а вмѣстѣ съ нею даже вся Россія. Россія!... Нѣтъ, какъ Европа приняла это событіе?!... Папа-ли умеръ? Пія-ли IX-го нѣтъ! Нѣтъ! нѣтъ, архипастыря, который направлялъ Русскую землю, который направлялъ всѣ славянскія земли и его-то не стало...

Понятное дѣло, что при самомъ началѣ мы ни въ какомъ случаѣ никакъ не можемъ оцѣнить той громадной потери, которая нами понесена. Понятное дѣло, что потеря эта произошла не отъ насъ, ибо мы отдали все бы за то, чтобы жизнь его продлилась. Но все же его нѣтъ! и мы должны представить себѣ всю тяжесть этой потери такъ, какъ она выражается самимъ явленіемъ.

Мы прочитали въ 184 № газеты «Москва» передовую статью объ кончинѣ Митрополита Филарета, и сдѣлаемъ изъ нея небольшую выписку, такъ какъ, по нашему мнѣнію, она ярко и пылко выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на Москву вѣстью о кончинѣ ея маститаго архипастыря.

«Митрополита Филарета не стало.... Съ смущеніемъ «вняла этой вѣсти Москва и вслѣдъ за нею внимаетъ

«и вся Россія,—съ тѣмъ благоговѣйнымъ смущеніемъ, «которое невольно объемлетъ душу при всякомъ видимомъ тайнодѣйствіи исторіи. Его кончина событіе и «событіе Всероссійское.

«Филарета не стало... Упразднилась сила, великая, «нравственная, общественная сила, въ который весь «Русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную «силу,—сила, созданная не изъ внѣ, порожденная мо«щію личнаго духа, возрасшая на церковной народной «почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красова«лась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ «та величавая, долгая современность, что обняла собою «пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ со«бытій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ «неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея «живую стихію, которой ей казалось не избыть и во«вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пу«стота силы и славы почувствуется внезапно въ Моск«вѣ, да и во всемъ русскомъ церковномъ мірѣ! Каѳедра «Московскаго митрополита можетъ конечно быть и бу«детъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, «пребудетъ пусто»...

Мы совершенно согласны съ г. Аксаковымъ, что мѣсто, занимавшееся до сихъ поръ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ будетъ пусто, но зная невозможность въ газетной статьѣ распространиться о важности

этого событія, мы именно и намѣреваемся заняться разъясненіемъ важности совершившагося событія.

Вспомнимъ, что онъ говорилъ въ день своего пятидесятилѣтняго юбилея.

Онъ говорилъ, что слово его всегда тихое, и тѣмъ болѣе еще ослабленное временемъ, не можетъ достигнуть до слуха тѣхъ, которые почтили его своимъ присутствіемъ. Онъ даже удивлялся, что видитъ этотъ день. И относилъ къ неисповѣдимой волѣ Божіей, что обращены на него щедроты Высочайшаго престола.

Вообще, вся эта рѣчь, сказанная имъ 5-го августа въ день совершившагося пятидесятилѣтія его священноначальственнаго служенія, прочтенная преосвященнымъ Леонидомъ предъ собраніемъ, привѣтствовавшимъ его преосвященство, отличалась самою глубокою скромностію и тѣмъ великимъ проникновеніемъ въ духъ религіи, которымъ всегда изобиловали рѣчи покойнаго Филарета.

Мы здѣсь покамѣстъ не станемъ говорить о тѣхъ заслугахъ, которыя принесены имъ для Православной церкви, но такъ какъ только-что было упомянуто о его 50-мъ юбилеѣ, то представимъ Высочайшій рескриптъ, присланный ему по этому случаю.

Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ.

«Нынѣ исполнилось пятидесятилѣтіе доблестнаго служенія вашего въ архіерейскомъ санѣ. Высокія дарова-

нія, замѣчательные ученые труды, неустанная дѣятельность на благо духовнаго просвѣщенія и строгое Христіанское благочестіе открыли вамъ путь къ высшему іерархическому поприщу, на которомъ, въ теченіе истекшихъ 50-ти лѣтъ, вы стяжали имя архипастыря мудраго, ревностно и твердо правящаго слово истины, и неутомимо попечительнаго о пользахъ и нуждахъ православной церкви. Вся жизнь ваша преисполнена неисчислимыхъ заслугъ не только кафедрамъ преемственно вамъ ввѣреннымъ, но и для всего православія. Епархіальное служеніе ваше ознаменовано непрерывнымъ рядомъ заботъ о преуспѣяніи паствы, о развитіи и преумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвержденіи единовѣрія, о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, не престающихъ получать отъ вашей щедрости обильныя средства къ возвышенію своего быта и воспитавшихъ подъ вашимъ бдительнымъ руководствомъ многихъ достойныхъ пастырей и іерарховъ св. нашей церкви. Многочисленныя пастырскія писанія ваши заключаютъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній православнаго русскаго юношества; въ то же время они перелагаются на чужеземные языки для научнаго и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ и въ нихъ

пріемлются съ уваженіемъ. Глубокая опытность ваша въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія содѣлала необходимымъ и драгоцѣннымъ ваше слово, совѣтъ и постоянное, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ участіе ваше въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству. Ваша пастырская попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра простираются далеко за предѣлы отечества и въ особенности на востокѣ, пріобрѣтая вашему имени почетную извѣстность».

«Въ искреннемъ, душевномъ уваженіи къ вашимъ пастырскимъ заслугамъ, признавая справедливымъ почтить въ васъ, Преосвященный Владыко, старѣйшаго, заслуженнѣйшаго и именитѣйшаго Святителя православной церкви Всемилостивѣйше предоставляю вамъ право по Кіевскому обычаю предношеніе креста въ священнослуженіи, ношеніе креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ; одну изъ нихъ особо изготовленную для васъ и украшенную драгоцѣнными каменьями на брилліантовой цѣпочкѣ, Всемилостивѣйше жалую вамъ для ношенія по установленію. Вмѣстѣ съ симъ, въ память незабвеннаго служенія вашего при Императорахъ Александрѣ 1-мъ, Николаѣ 1-мъ и въ мое царствованіе и въ вознагражденіе вашихъ заслугъ государственныхъ, препровождаю къ вамъ настольное изображеніе сихъ Госуда-

рей и Мое, соединенныя вмѣстѣ и осыпанныя брилліантами.

Молю Бога да сохранитъ онъ святые дни вашей благотворной жизни еще на долго на пользу и славу отечественной церкви. Я увѣренъ, что объ этомъ же будутъ вознесены теплыя молитвы по всей Россіи, благодарно чтущей вашу святую жизнь и великія дѣянія.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною рукою Его Императорскаго Величества подписано

АЛЕКСАНДРЪ.

5-го августа, 1867 г. Въ Ливадіи.

Помѣщая этотъ рескриптъ въ серединѣ нашей статьи мы имѣли въ виду дать нашей брошюрѣ такое направленіе, которое бы выразило все глубокое значеніе, придаваемое въ настоящее время всѣми классами общества этой смерти. Что оно такъ, доказывается постояннымъ присутствіемъ громаднаго стеченія народа у того самаго дома, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе. Когда первый, унылый ударъ колокола раздался и Москва, какъ бы предчувствуя что-то печальное, ринулась въ Кремль, она тотчасъ же узнала о совершившемся событіи. Событіе это не заключалось въ нашествіи Галловъ, это была очень простая смерть — одного человѣка, но смерть этого человѣка влекла за собою столько печальныхъ и грустныхъ минутъ, сколь-

кихъ давно уже не испытывала Москва. Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда Москва стала Россійской митрополіей, въ средѣ ея пастырей являлось много великихъ людей. Мы не станемъ перечислять ихъ, ибо имена ихъ всѣмъ извѣстны, но скажемъ,—и всѣ, конечно, согласятся съ нами,—что давно у насъ не было пастыря, который бы имѣлъ такую народность, какою обладалъ Филаретъ, вслѣдствіе своей жизни и трудовъ на общую пользу. Такимъ образомъ, мы ставимъ Филарета митрополита Московскаго однимъ изъ величайшихъ дѣйствователей на пользу православія. Мы знаемъ очень хорошо, что въ большинствѣ случаевъ, большинство будетъ на насъ за то, что мы не представляемъ на это никакихъ доказательствъ, но эти скептическіе люди не могутъ удовлетвориться ничѣмъ.

Далѣе мы станемъ изчислять всѣ заслуги митрополита Филарета; здѣсь же упомянемъ только о томъ довѣріи, какимъ пользовался покойный въ продолженіи трехъ царствованій. Вслѣдствіе этого довѣрія покойный Императоръ Александръ Павловичъ поручилъ ему, а не кому другому храненіе своего завѣщанія о наслѣдіи престола Императоромъ Николаемъ I. Вслѣдствіе этого же довѣрія нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ удостоивалъ покойнаго своею особенною благосклонностью. И онъ былъ достоинъ этого довѣрія по своему глубокому уму, своей истинно-чистой и свѣт-

лой жизни. Да, эта жизнь была чиста, какъ жизнь истиннаго христіанина. Онъ вѣрно слѣдовалъ заповѣдямъ Христа и многочисленныя благодѣянія, разливаемыя имъ вокругъ себя, достаточно говорятъ о томъ, что онъ былъ истиннымъ послѣдователемъ Христова ученія.

Мы уже говорили, что въ настоящую минуту для насъ невозможно оцѣнить всѣ заслуги митрополита Филарета, но мы можемъ сказать, что съ его кончиной русская церковь переживаетъ высокій историческій мигъ. Всѣми безсознательно или сознательно ощущается важность этого момента. Покойникъ въ теченіи цѣлаго полустолѣтія былъ величайшимъ представителемъ русской церкви. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія былъ предстателемъ этой церкви предъ Европой. Онъ былъ предстателемъ не вслѣдствіе внѣшняго своего достоинства, а вслѣдствіе внутренняго духа, которымъ управлялъ онъ, или который управлялъ имъ. Вѣрнѣе сказать, что вслѣдствіе величайшаго ума своего, напитаннаго духомъ евангелическаго ученія, онъ всего ближе находился къ тѣмъ, которыхъ онъ принялъ себѣ за образецъ, то былъ умъ, просвѣтленный христіанскимъ ученіемъ.

Вспомнимъ, какъ распространялось христіанское ученіе. Древній міръ рушился, онъ совершилъ все, что ему было дано, пластическая красота Греціи, граждан-

скій бытъ Рима, все это оказалось несостоятельнымъ предъ величіемъ идей Христа. Идеи эти были очень просты, но они были такъ человѣчны, потому что были божествены, что весь этотъ древній, выработавшій свои особенныя формы міръ, долженъ былъ пасть предъ ними. И онъ палъ. На его развалинахъ возсталъ новый міръ, міръ духовный, міръ, стремившійся къ отрѣшенію отъ всего плотскаго и весь стремившійся въ небеса.

Мы видимъ возсозданіе этого міра въ средневѣковыхъ готическихъ соборахъ. Тогда духъ человѣческій, угнетаемый физической силой, стремился къ небу и создалъ такія зданія, которыя собою являютъ величайшее олицетвореніе духовной мощи; въ нихъ, въ этихъ соборахъ, вы видите какіе-то уносящіеся далеко и высоко шпицы. И вотъ, когда все это замерло, когда весь этотъ громадный религіозный духъ, создавшій эти громадные соборы—угасъ и какъ бы расплылся, на Западѣ является желаніе и стремленіе превратить этотъ духъ въ нѣчто видимое,—является школа реалистовъ. И тогда, когда вся западная Европа отдавалась этому реализму, явился вдругъ на Востокѣ человѣкъ, который сказалъ имъ всѣмъ, что есть духъ. Онъ сказалъ имъ, что они никогда не найдутъ высшаго счастія, пока не найдутъ этого духа, — это мы не о философскихъ именахъ говоримъ теперь — мы говоримъ о вѣрѣ или

невѣріи.—Ежели мы говоримъ по этому поводу, то вовсе не для того, чтобы увеличить или уменьшить заслуги того великаго человѣка, біографію котораго мы намѣреваемся писать.

О томъ какъ понималъ Филаретъ свое призваніе мы ничѣмъ не можемъ лучше выразить, какъ передавъ въ подлинникѣ его рѣчь.

Достопочтенные Отцы и братіе! (*)

«Нынѣшній день представляетъ для меня такія неожи-«данности, что мнѣ трудно опредѣлить и изъяснить «мои мысли и чувствованія, и я пребылъ бы въ без-«молвіи недоумѣнія, если бы уваженіе и благодарность «къ вниманію съ такъ многихъ сторонъ теперь мнѣ «оказываемому не обязывали меня къ слову.»

Далѣе онъ говоритъ:

«Къ неисповѣдимой волѣ Божіей отношу и то, что «нынѣшній предѣлъ совершившагося пятидесятилѣтія «моего священноначальственнаго служенія обращены бла-«говолительные взоры даже отъ Высочайшаго престола, «даже отъ верховнаго священноначалія россійской церкви. Еще же и отъ просвѣщенныхъ сопастырей и отъ начальствъ и сословій дѣятелей человѣколюбія и наукъ, и отъ общественныхъ учрежденій и, что менѣе неожиданно, отъ духовенства и братій церкви Московскія.»

(*) Изъ Душеполезнаго Чтенія. Августъ.

«Я сказалъ, что менѣе неожиданно для меня сочувствіе духовенства и братій церкви Московской. Это потому, что во все продолженіе здѣсь моего служенія видѣлъ и привыкъ видѣть сіе сочувствіе. Духъ любви къ святому служенію, мира и согласія, свободнаго послушанія всякому долгу и законному призванію въ сослужителяхъ моихъ и въ православномъ народѣ послушаніе вѣрѣ, усердіе къ Богослуженію, щедрая готовность къ благоустроенію и украшенію храмовъ, къ попеченію о нуждахъ служителей церкви, къ дѣламъ человѣколюбія и благотворенія,—постоянно облегчали и облегчаютъ мое служеніе, приносили и приносятъ мнѣ подкрѣпляющее утѣшеніе.

Но чѣмъ же на все сіе могу нынѣ съ моей стороны отвѣтствовать? Господи, сотворившій для меня день сей! Твое да пріидетъ слово благое и дѣйственное».

Мы дальше даже и не станемъ теперь цитировать этого слова, ибо въ немъ, какъ во всѣхъ вообще словахъ нашего Архипастыря выражается таже самая глубокая ученость и глубокое проникновеніе въ смыслъ текстовъ, разбираемыхъ имъ.

Въ воскресенье, 19 сего ноября унылый звукъ большаго Кремлевскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ, что не стало ея архипастыря, что угасла одна великая жизнь, въ продолженіи многихъ лѣтъ озарявшая яркимъ

свѣтомъ русскую землю, русскую церковь. Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ скончался въ этотъ день въ 2 часа пополудни, на 86 году своей жизни.

Онъ былъ старѣйшимъ изъ русскихъ архипастырей. Знаменитый учитель и витія, справедливо прославленный во всемъ христіанскомъ мірѣ богословъ, своею строго-подвижнеческой жизнью Высокопреосвященный Филаретъ служилъ живымъ примѣромъ для своей паствы. Въ продолженіи почти полувѣка занимая каѳедру святителя Петра, онъ неизгладимо вписалъ свое имя своею пастырскою дѣятельностью въ лѣтописи не только московской, но и вселенской православной церкви.

Еще такъ близко то время, когда вся Россія съ своимъ государемъ во главѣ, единственнымъ въ мірѣ вѣнценосцемъ православнаго исповѣданія, привѣтствовала усопшаго уже нынѣ владыку съ протекшимъ пятидесятилѣтіемъ его архіерействованія. Къ этому привѣтствованію присоединились вселенскіе патріархи и автокефальныя церкви, кромѣ русской Сербская и Аѳинская. Уже на западѣ своихъ дней, почти наканунѣ своей кончины, принималъ онъ привѣтствіе со смиреніемъ истиннаго христіанина, образъ котораго онъ являлъ собою во все продолженіе своей жизни.

Уже нѣсколько лѣтъ будучи отягощенъ недугами преклонной старости, Высокопреосвященный владыка рѣдко могъ самъ совершать божественную службу. Но

ему дано было счастье священнодѣйствовать въ послѣдній разъ, въ послѣдній день своей жизни. По возвращеніи изъ Троицко-Сергіевой Лавры, владыко трижды совершалъ литургію: 8 ноября въ день Архистратига Михаила, 12 и 19 числа того же мѣсяца, въ тотъ самый день, когда Господу угодно было отозвать отъ насъ душу своего раба. Слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ этотъ же день скончался въ Таганрогѣ Императоръ Александръ Благословенный, питавшій къ усопшему святителю особенную дружбу, доказательствомъ которой можемъ служить то обстоятельство, что ему была довѣрена Государемъ великая въ свое время государственная тайна о наслѣдіи Русскаго престола. Присутствовавшіе въ церкви въ день кончины архипастыря замѣтили, что въ этотъ день онъ служилъ съ такою бодростью, съ какою не служилъ уже давно, Какъ будто бы вновь возвратились къ нему покинувшія его силы. Но то былъ не возвратъ этихъ силъ, то были уже не тѣлесныя силы, ибо мгновенія его были уже сочтены. Онъ былъ уже позванъ, и часа черезъ два послѣ того, какъ пріобщился Святыхъ Таинъ, перешелъ съ миромъ въ вѣчность.

Итакъ, угасъ одинъ изъ самыхъ яркихъ свѣтильниковъ истины. Закатилась звѣзда, равной которой по блеску мы теперь не имѣемъ!... Вѣсть объ этой утратѣ уже облетѣла всю Россію, и вся Россія скорбитъ

объ этой великой утратѣ. Мы говоримъ это подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что совершившагося событія и потому не можемъ еще ни судить, ни предаваться надеждамъ и передаемъ только ощущенія минуты, ощущенія личныя и общественныя. Мы повторяемъ только то, что сказано уже раньше насъ и сказано быть можетъ краснорѣчивѣе... Еще звучатъ колокола и призываютъ насъ къ молитвѣ, и вся Москва спѣшитъ отдать дань послѣднихъ скорбныхъ цѣлованій усопшему, поклониться ему и помыслить о непрочности всего земнаго у одра того, который самъ былъ представителемъ духовной жизни,—представителемъ величія духа.

II.

Незадолго передъ своей кончиной, Высокопреосвященный Филаретъ только-что возвратился изъ своего отшельническаго уединенія и въ началѣ минувшаго октября приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ и въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль, какъ уже сказано нами, три раза совершалъ Божественную литургію въ своей домовой церкви. Такимъ образомъ, неутомимо дѣятельный во все продолженіе своей долговременной жизни, онъ и скончался на мѣстѣ своего обычнаго труда.

Кромѣ того въ этотъ же промежутокъ времени онъ присутствовалъ въ Синодальной конторѣ и два раза посѣтилъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова.

Дѣлами покойный архипастырь продолжалъ заниматься съ обычною своею неутомимостью, живостью соображенія и быстротой производства. Два вечера въ недѣлю были посвящены слушанію докладовъ викаріевъ; эти доклады иногда продолжались по нѣсколько часовъ сряду и владыка выслушивалъ ихъ съ неослабнымъ вниманіемъ и неутомимымъ усердіемъ. Съ обычнымъ же вниманіемъ были принимаемы имъ во все время посѣтители и просители. Въ послѣдній разъ въ пятницу 16 ноября онъ слушалъ докладъ, продолжавшійся отъ половины шестаго до восьми часовъ вечера.

Въ воскресенье (19 ноября) владыка совершалъ литургію безъ утомленія и даже, по замѣчаніямъ его приближенныхъ, бодрѣе, чѣмъ въ послѣднее время. По совершеніи литургіи, послѣ краткаго отдыха онъ принималъ новоназначеннаго Московскаго губернатора генерала Баранова, по отъѣздѣ этого паслѣдняго преосвященный остался одинъ. Въ половинѣ втораго часа, нѣсколько повидимому утомленный, онъ приказавъ приготовить обѣдъ, отправился въ свой кабинетъ. Когда по прошествіи четверти часа было замѣчено его отсутствіе, то келейникъ, снова войдя въ комнату архипастыря,

нашелъ его лежащимъ на полу но еще живаго. Немедленно дано было знать о случившимся викаріямъ, намѣстнику Чудова монастыря и генералъ-губернатору; вмѣстѣ съ тѣмъ были приглашены и врачи (г.г. Рахманиновъ постоянный врачъ покойнаго, Варвинскій, Паженкопфъ, Захарьинъ) но помощь оказалась излишней: Онъ уже предалъ духъ свой Господу Богу!... Мирно и безболѣзненно перешелъ онъ въ вѣчность!

Немедленно по извѣщеніи прибылъ поклониться тѣлу усопшаго архипастыря князь В. А. Долгоруковъ, когда оно только что опрятанное лежало еще на обычномъ одрѣ почившаго. Вслѣдъ затѣмъ, въ 10 часовъ вечера того же числа тѣло покойнаго Выкокопреосвященнаго владыки Филарета, по отслуженіи литіи было облачено въ архіерейскія ризы, и перенесено въ большую залу, гдѣ была совершена архіерейскимъ служеніемъ первая панихида. Облаченіе совершалось со всѣмъ торжествомъ подобавшимъ высокому церковному сану почившаго. Въ руки усопшаго святителя были вложены дикирій и трикирій. Каждый разъ предъ началомъ кажденія діаконы обращались къ почившему. Вечеромъ того же дня въ восемь часовъ была совершена вторая панихида.

На другой день кончины, двадцатаго ноября, были совершены также двѣ панихиды. Въ девять съ половиною часовъ утра этого дня, въ присутствіи высшаго московскаго духовенства и именитыхъ гражданъ, тѣло

почившаго архипастыря было положено въ кипарисный гробъ, привезенный намѣстникомъ, Тройце-Сергіевской Лавры преосвященнымъ Антоніемъ и заранѣе приготовленный самимъ покойнымъ. Затѣмъ по окончаніи панихиды, чрезъ внутренніе покои, на рукахъ архимандритовъ, священниковъ и іеромонаховъ гробъ былъ перенесенъ въ домовую крестовую церковь Троицкаго подворья гдѣ и была отслужена литургія, которую совершалъ архимандритъ Златоустинскаго монастыря, а по окончаніи оной тѣмъ же архимандритомъ отправлена большая панихида.

Передъ первымъ поминовеніемъ новопреставленнаго преосвященнѣйшаго митрополита Филарета сказано было въ университетской церкви 20 ноября слово протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ. Вотъ это слово:

«*Братія церкви московскія!*» (*)

Предстоятель московской церкви, архипастырь и отецъ, преосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ, вчара въ 19 день сего ноября, въ послѣдній разъ совершилъ Божественную литургію и чрезъ два часа безболѣзненно и мирно скончался!

(*) Изъ Московскихъ Вѣдомостей.

Намъ, братія, онъ оставилъ особое завѣщаніе. Вотъ предсмертныя его слова собственно намъ:

«Вѣчный источникъ истины и мудрости да продол-«жаетъ изливать свой животворный и спасительный свѣтъ «въ умы и сердца избранныхъ дѣятелей въ областяхъ «нощи, и отъ наставляющихъ до наставляемыхъ, отъ «высшихъ до низшихъ степеней ученія, да простирается «на убѣжденія и правила, на мысль и жизнь, чистый «свѣтъ истины и добра!»

Эти высоконазидательныя и благословенныя слова были сказаны намъ въ отвѣтъ на наше привѣтствіе ему въ 5 день прошедшаго августа и были послѣдними нарочитыми его словами намъ.

Думаю—и увѣренъ, что всѣ вы такъ думаете—прилично намъ нынѣ вспомянуть сіи слова, истинно какъ завѣщаніе намъ усопшаго святителя и учителя церкви. Начертаемъ оныя на скрижаляхъ сердецъ нашихъ и примемъ въ неизмѣнное правило своей дѣятельности всѣ, и наставляющіе и наставляемые, на всѣхъ степеняхъ ученія. Ей: «чистый свѣтъ истины и добра да простирается на убѣжденія наши и правила, на мысль и «жизнь,—отъ Вѣчнаго Источника истины мудрости!»

О усопшемъ же Богомудромъ учителѣ нашемъ и святителѣ благоговѣйною и благодарною любовію помолимся: сосвятыми да упокоится его духъ въ томъ же вѣчномъ источникѣ истины, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ со-

безначальнымъ его Отцемъ и Животворящимъ Духомъ. Аминь.

Какъ скоро по Москвѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ ея любимаго и чтимаго всѣми архипастыря и до самаго того дня, когда послѣдовалъ выносъ тѣла усопшаго изъ Москвы въ Лавру,—во всѣ эти дни тысячи народа, собиравшагося со всѣхъ концовъ столицы и изъ подмосковныхъ селеній и ближнихъ городовъ, наполняли дворъ Троицкаго подворья. И дни и ночи передъ окнами палатъ митрополита, несмотря на несовсѣмъ благопріятную погоду, тѣснились толпы народа, ожидавшаго очереди поклониться тѣлу своего архипастыря. Но, къ сожалѣнію, многіе, простоявъ съ утра до темной ночи, не могли дождаться очереди или возможности исполнить свое желаніе. Полиція съ величайшимъ трудомъ удерживала напоръ народа въ трехъ входныхъ дверяхъ, ведущихъ въ палаты и церковь. Келліи монаховъ, живущихъ на подворьѣ буквально были осаждаемы просителями провести въ церковь внутренними входами. Множество заказныхъ панихидъ по усопшемъ отправлялись и днемъ и ночью. Сотни экипажей съ ранняго утра до полуночи наполняли подворье. Каждому отъ всего сердца желалось поклониться тѣлу святителя, но желающихъ было такое громадное количество, что едвали и половина ихъ могла удовлетворить своему желанію!

Гробъ съ тѣломъ архипастыря стоялъ на катафалкѣ

посреди церкви; въ головахъ и въ ногахъ—по два діакона въ черныхъ ризахъ; день и ночь, обратясь лицомъ къ алтарю, священникъ у изголовья читалъ Евангеліе.

Но вотъ наконецъ насталъ и день выноса.

Сначала разнесся слухъ, что выносъ тѣла высокопреосвященнѣйшаго послѣдуетъ въ среду 22 числа въ 2 часа по полудни; но такъ какъ ожидали пріѣзда Кіевскаго митрополита Арсенія, то это было отложено до четверга, 23 числа ноября.

Наканунѣ означеннаго числа прибыли наконецъ въ Москву митрополитъ Арсеній и епископы—Владимірскій, Ярославскій и Тульскій. Вслѣдствіе этого перенесеніе тѣла изъ церкви Троицкаго подворья и было назначено на 23 число, но не въ большой Успенскій соборъ, какъ говорили прежде, а въ каѳедральный Чудовъ монастырь; передъ выносомъ въ 10 часовъ утра совершена была въ домовой церкви Троицкаго подворья литургія.

По выходѣ изъ Троицкаго подворья шествіе направилось по Троицкому переулку къ Самотекѣ, по Садовой улицѣ до старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, по Тверской къ Иверской часовнѣ, черезъ Красную площадь въ Кремль.

На всемъ протяженіи улицъ, по которымъ должно было двигаться шествіе, было такое громадное стеченіе народа, какого Москва не видала давно уже. Истинно, вся Москва собралась проводить своего архипастыря!

Нѣтъ, не одна только Москва, но по всякому вѣроятію всѣ близлежащія селенія и города имѣли здѣсь своихъ представителей. То были дѣйствительно народные проводы. Для шествія процессіи едва оставалось небольшое пространство среди улицъ, по которымъ она двигалась—все остальное представляло сплошную массу народа, и не только на улицахъ толпился народъ, но и на крышахъ домовъ—повсюду были видны люди,—и всѣ эти люди не изъ любопытства, не на праздничное зрѣлище собрались сюда: ихъ влекло болѣе возвышенное, болѣе сердечное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко горестное чувство, вызывавшее на глаза слезы, туманившее лица печалью... Да, многіе изъ присутствовавшихъ при церемоніи не могли удержать невольныхъ слезъ, вызываемыхъ скорбной утратой. Эти слезы были искренни и рождали утѣшительную мысль, что русскій народъ искренно и глубоко преданъ и глубоко чтитъ своихъ наставниковъ въ истинахъ православной религіи. Да, подобная мысль весьма утѣшительна, ибо народъ, утратившій эту преданность, народъ, утратившій вѣру, носитъ въ себѣ самомъ задатки гибели. Здѣсь не мѣсто развивать наше положеніе, ибо мы вовсе не желаемъ уклоняться отъ нашей первоначальной задачи—дать, по возможности, полный историческій очеркъ жизни Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, объяснить его заслуги и его значеніе въ Россійской іерархіи, о которомъ конеч-

но лучше и полнѣе всего даетъ понятіе эта самая скорбь о его утратѣ.

Перейдемъ теперь къ порядку шествія, который былъ слѣдующій:

1) Хоругви изъ кремлевскихъ соборовъ, святыя иконы.

2) Гробовая крыша, несомая четырьмя діаконами; за нею чудовскіе пѣвчіе.

3) Выборные отъ всѣхъ пяти городскихъ сословій. Московская общая дума, предводимая городскимъ головой и старшинами городскихъ сословій; чиновники консисторіи; наставники семинаріи и училищъ по два въ рядъ; за ними бѣлое духовенство и настоятели монастырей также по два въ рядъ.

4) Знаки отличія и ордена на подушкахъ, панагіи, пожалованныя Государями Императорами Александромъ I, Николаемъ I и Алексадромъ II и Государынею Императрицею Маріею Александровною, а также крестъ, пожалованный Государемъ Императоромъ Александромъ II: несутъ священники.

5) Синодальные пѣвчіе.

6) Евангеліе, запрестольный крестъ и икона Божіей Матери: несутъ священники.

7) Преосвященные архіереи.

8) Іеродіаконы, несущіе крестъ, лампаду и посохъ, употреблявшіеся при богослуженіи его высокопреосвященства.

9) Бѣлый клабукъ съ малымъ омофоромъ, на блюдѣ несомый іеромонахомъ.

10) Митра съ крестомъ и омофоромъ, также несомый на блюдѣ.

11) Два діакона съ трикиріями и два діакона съ рипидами по сторонамъ гроба и шесть діаконовъ съ кадилами и четыре со свѣтильниками.

12) Гробъ покойнаго, несомый отъ Троицкаго подворья до семинаріи семью архимандритами, при нихъ семь ассистентовъ и осьмнадцать протоіереевъ съ такимъ же числомъ священниковъ въ камилавкахъ; отъ семинаріи до часовни Иверской Божіей Матери гробъ несутъ протоіереи, а отъ Иверской часовни до Чудова монастыря снова архимандриты.

Для перемѣны лицъ по пути шествія были назначены четыре мѣста: на Садовой, противъ семинарскаго дома, у Тріумфальныхъ воротъ, противъ Страстнаго монастыря и близъ Иверской часовни.

Священники монастырей и церквей, мимо коихъ слѣдовало шествіе, выходятъ съ хоругвями и запрестольными иконами; священникъ имѣетъ въ рукѣ крестъ, діаконъ кадило, а причетники свѣчи; по присоединеніи къ шествію каждый изъ нихъ занимаетъ соотвѣтствующее ему по чину мѣсто.

Во время шествія по всей Москвѣ производится соотвѣтствующій перезвонъ, а по внесеніи тѣла въ Чу-

довъ монастырь обыкновенный звонъ по знаку, поданному на Ивановской колокольнѣ.

Литіи были совершены передъ церковію Троицы въ Троицкомъ и другими по пути, у Иверской часовни, въ которую былъ вносимъ гробъ, и наконецъ при встрѣчѣ въ дверяхъ Чудова монастыря, въ которомъ находился до самаго перенесенія въ Лавру. По поставленіи гроба на приготовленное для него въ церкви мѣсто началась панихида, и ежедневно во все время пребыванія тѣла въ Чудовомъ монастырѣ также были совершаемы по двѣ панихиды, во время служенія которыхъ во всѣхъ московскихъ церквахъ производился соотвѣтствующій перезвонъ.

Мы уже говорили, что и тогда, пока тѣло усопшаго стояло въ домовой церкви Троицкаго подворья, а тѣмъ болѣе въ день выноса въ Чудовъ монастырь, народное стеченіе было чрезвычайное и оно ни на минуту не уменьшалось и въ то время, когда гробъ находился уже въ Чудовомъ манастырѣ. Всѣ спѣшили въ Кремль, ибо знали, что Москвѣ не долго предстоитъ заключать въ стѣнахъ своихъ уже бездыханнаго того, кто въ теченіи сорока шести лѣтъ занималъ каѳедру московскихъ святителей и чье могущественное, проникнутое христіанскимъ духомъ чистоты, глубокой любовью и великой ученостью, слово такъ тихо, но внятно для ума и сердца раздавалось посреди его вѣрной паствы. Было давно

извѣстно, что святитель самъ назначилъ мѣсто для своего послѣдняго успокоенія, заранѣе уже соорудивъ себѣ послѣднее жилище. Но и здѣсь не каждому выпало на долю счастіе исполнить свое сердечное желаніе.

Вскорѣ стало извѣстно, что выносъ тѣла изъ Москвы послѣдуетъ въ воскресенье, 26 числа и гробъ будетъ положенъ въ Лаврѣ, во вновь устроиваемой, въ память пятидесятилѣтняго служенія покойнаго митрополита въ архіерейскомъ санѣ церкви Филарета Милостиваго. Еще ранѣе того было объявлено, что изъ Петербурга ожидаютъ пріѣзда первостепенныхъ іерарховъ и даже особъ изъ царской фамиліи... А между тѣмъ съ Московскихъ колоколенъ разливался въ воздухѣ унылый звонъ...

Наканунѣ назначеннаго для выноса дня прибылъ въ Москву Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ и оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой.

Погода въ этотъ памятный для насъ день стояла неблагопріятная; шелъ снѣгъ; сѣрыми тучами было одѣто небо. Эта туманно-сѣрая погода какъ будто говорила: это день печали и потому скрылось солнце. Не праздничными одеждами должно украшать себя нынѣ, а печалиться и молить Создавшаго землю и небо, все видимое и невидимое, дабы Онъ не оскудѣвалъ сво-

ими милостями. Молить Его о томъ, дабы люди, подобные умершему человѣку, чаще являлись для, прославленія имени Божія, для назиданія въ вѣрѣ правой и истинной, на славу русской земли.

Но милость Божія безконечна! Будемъ надѣяться что тучи разъснятся и солнце вновь засіяетъ великолѣпно. И снова ласково улыбнется природа, ибо во слѣдъ суровой зимѣ идетъ цвѣтущая весна и плодоносное лѣто. Будемъ питаться сею надеждою: человѣкъ только ею и счастливъ, и только она даетъ ему силу переносить горе. Когда мы теряемъ отца или мать, супруга или ребенка, мы утѣшаемся тѣмъ, что свидимся съ ними. Мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что духъ покойнаго архипастыря нашего бодрствуетъ надъ нами и будетъ предстательствовать предъ лицомъ Творца, дабы древо, насажденное имъ, разрослось пышно и принесло обильный плодъ. Но мы уже говорили объ этомъ предметѣ, а потому вернемся снова въ Кремль, куда 26 ноября 1867 года стремились волны народа.

Стѣны Московскаго Кремля заключили въ себѣ великое число Московской святыни. Онѣ видѣли множество великихъ событій; это, такъ сказать, средоточіе всего, что для насъ дорого и священно. Это живой памятникъ великихъ, горестныхъ или радостныхъ, историческихъ событій. Не одинъ быть можетъ городъ нашего необъятнаго отечества не имѣетъ того значенія, ка-

кое имѣетъ Москва, и во всей Москвѣ нѣтъ ничего равнаго по значенію Кремлю. Онъ совмѣстилъ въ себѣ почти всѣ историческіе московскіе памятники. Въ немъ почти вся московская святыня. И вотъ его стѣны видѣли 25 и 26 ноября однимъ знаменательнымъ событіемъ болѣе.

25 числа въ Чудовѣ монастырѣ послѣ литургіи происходило отпѣваніе тѣла въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета. Литургію отправлялъ соборнѣ Арсеній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Предъ окончаніемъ литургіи ректоръ Московской духовной академіи протоіерей А. В. Горскій сказалъ исполненное мысли и чувства слово, въ которомъ ярко изобразилъ славную жизнь старѣйшаго русскаго архипастыря,—жизнь, исполненную великихъ заслугъ, всю отданную на служеніе истинѣ, обозначенную великими трудами и великимъ подвижничествомъ.

Эту рѣчь мы помѣщаемъ здѣсь въ сокращеніи (*).

Онъ говорилъ:

«Давно-ли по всей землѣ русской раздавались молитвенные гласы о продолженіи еще на многія лѣта обильной великими подвигами жизни почившаго въ Бозѣ архипастыря нашего? Давно-ли вся Россія, внимая словамъ Самодержца «о великихъ пастырскихъ заслугахъ старѣйшаго и знаменитѣйшаго святителя православной

(*) Изъ Московскихъ Вѣд. № 260

церкви», повторяла молитву Царя «да сохранитъ Господь святые дни» іерарха еще на долго на пользу и славу отечественной церкви? Давно ли мы слышали первосвященническую молитву, которую преемникъ первосвятителя Петра въ приснопамятный день пятидесятилѣтія своего святительства, приносилъ Господу Богу о святой церкви, о Державномъ Царѣ, о паствѣ своей? И мы не хотѣли вѣрить, чтобъ эта глубокая, многообъемлющая, торжественная молитва была молитвою преемлющаго отъ земли; а онъ былъ уже недалекъ отъ предѣла, которымъ оставалось перейти на онъ-полъ бытія... Послѣднее звено цѣпи жизненной сомкнулось съ первымъ, и кругъ жизни земной совершился.

«Свѣтильникъ церкви, котораго благодатнымъ свѣтеніемъ мы желали и надѣялись еще пользоваться, сокрылся, слушатели. Сокрылся, но не исчезъ. Мракъ смерти не вовсе лишилъ насъ свѣта.

Далѣе онъ изображаетъ всю жизнь усопшаго святителя. Онъ говоритъ:

«Жизнь пастыря слагается изъ приготовленія къ пастырскому служенію и самаго служенія.

«Прекрасный залогъ будущей свѣтлой жизни вынесъ почившій архипастырь изъ домашняго воспитанія: это— чистое, цѣломудренное, духомъ искренняго благочестія проникнутое сердце. Вотъ почему доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почи-

талъ онъ незамѣнимою школой для посвящающихъ себя духовному служенію. Какъ и въ нѣкоторыхъ примѣрахъ древнихъ великихъ пастырей церкви: Свв. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, видно и здѣсь особенное вліяніе доброй, христіанско-благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери на юнаго сына. Тогдашнія училища духовныя даже лучшія, были небогаты средствами къ развитію не обыкновенныхъ дарованій юноши. Но когда окончилось обученіе его тамъ, Господь Самъ Своими путями довершилъ его образованіе. Первыя учебныя должности какія возложены были на него начальствомъ, способствовали приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго витіи. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ библіи познакомили его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богопросвященныхъ отцевъ Греческихъ. Творенія Св. Григорія Богослова своимъ глубокомысліемъ особенно были сродны его духу и съ такою любовію были имъ изучаемы, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія на греческомъ языкѣ сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни. Высокія дарованія молодаго наставника и особенно его церковныя проповѣди скоро обратили на него вниманіе маститаго архипастыря Москвы. Еще болѣе должно было приблизить къ нему вступленіе сего наставника въ жизнь иноческую: но Го-

сподь скоро вызвалъ его изъ среды пустынной на среду высшаго служенія. Въ столицѣ сѣверной новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Быстро росли и зрѣли его силы духовныя. Его слово тогда уже было исполнено глубокихъ богословскихъ созерцаній; душа его любила часто погружаться въ тайны Креста Христова, въ тайны дѣйствія Духа Святаго въ душахъ облагодатствованныхъ. Труды въ изъясненіи Писанія показывали также стремленіе къ таинственному и сокровенному. Такъ и надлежало сему быть: слово Божіе говоритъ намъ о тайнахъ небесныхъ, о тайнахъ внутренней жизни нашей. Поставленный во главѣ преобразованнаго тогда высшаго духовнаго училища, онъ приготовилъ два послѣдовательные ряда новыхъ дѣятелей для церкви въ духѣ истинной вѣры и благочестія. Тогда-то архипастырь С.-Петербургскій, любившій его какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощники епископскаго служенія. Вотъ какой знаменательный и многотрудный путь долженъ былъ онъ пройти до каѳедры епископской! И при всемъ томъ, когда узналъ онъ отъ своего архипастыря о предстоящемъ назначеніи, не обинуясь сказалъ ему: «если хотите наградить меня этимъ саномъ, то епископство не честь, но подвигъ».

«Такъ дѣйствительно всегда смотрѣлъ почившій въ

Бозѣ архипастырь на достойное прохожденіе епископскаго служенія, какъ на трудный и великій подвигъ. Это не внѣшнее служеніе, но строительство душъ: непрестанная борьба съ врагами духовной жизни, непрерывное попеченіе о спасеніи ввѣренныхъ; всегдашнее хожденіе предъ Богомъ въ духѣ молитвы; постоянное углубленіе въ разумъ слова Христова. Такъ самъ онъ понималъ свои обязанности, такъ училъ и новыхъ пастырей понимать ихъ.

«Недолго занималъ онъ подчиненное мѣсто въ іераршескомъ служеніи; вскорѣ введенъ былъ въ число членовъ верховнаго священноначалія церкви русской и потомъ возведенъ на каѳедру первосвятителя Московскаго Петра. На этой сугубой высотѣ еще яснѣе раскрылись духовныя доблести и подвиги знаменитаго іарарха.

Тогда церковь русская въ первый разъ увидѣла слово Христово и писанія апостоловъ на своемъ языкѣ: и первымъ движителемъ сего священнаго дѣла въ средѣ іерарховъ былъ нашъ архипастырь. Тогда приступлено было и къ переложенію ветхозавѣтныхъ книгъ съ первоначальнаго языка, и если оно не было доведено до конца, то не по винѣ трудившихся. Тогда архипастырь Московскій, исполняя заповѣдь апостола Павла ученику своему, изложилъ краткое ученіе о благочестіи христіанскомъ, въ назиданіе чадъ церкви русской.

«Но содѣйствуя распространенію и утвержденію здра-

ваго ученія вѣры, надлежало и отстранять навѣваемыя духомъ времени внушенія неправомыслія. Являлись ли покушенія самообольщеннаго мудрованія проложить какія-то свои пути ко внутреннему соединенію съ Богомъ, помимо царскаго пути, указуемаго церковію; являлось ли суемудрое желаніе отрицать все таинственное и сверхъестественное въ дѣлѣ вѣры и откровенія; являлось ли покушеніе, взятое съ примѣра чуждаго, заковать духъ вѣры въ мертвыя формы и такимъ образомъ всякое движеніе богословствующей мысли сдѣлать невозможнымъ; бдительный взоръ пастыря-богослова скоро обличалъ уклоненія отъ истины православія. Настало время большей свободы, и первое слово архипастыря предъ священноначаліемъ церкви русской было за слово Божіе, чтобъ сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ на понятномъ нарѣчіи.

«Подвизаясь за дѣло Божіе, за правду Христова Евангелія, нельзя было не потерпѣть различныхъ искушеній. Нѣтъ подвига безъ страданія. Но кроткій благовѣститель міра все переносилъ благодушно на себѣ, стараясь извлекать полезное для церкви изъ всякаго положенія. Онъ раздѣлялъ и болѣзни другихъ церквей, намъ единовѣрныхъ, стараясь водворить между ними миръ.

«Ограничиваясь болѣе тѣснымъ кругомъ дѣлъ, въ средѣ паствы московской, мы здѣсь еще ближе усмо-

тримъ духъ истиннаго пастыря, старающагося быть всѣмъ вся... Его слово, оглашавшее такъ часто святые храмы столицы, раскрывая основанія и духъ ученія и закона Христова, всегда имѣло въ виду единое на потребу христіанину; глубокія изысканія, не имѣющія отношенія къ жизни христіанской, были ему чужды. Въ его словѣ слышится краснорѣчіе сердечное, искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея божественную силу. Благолѣпіе святыхъ храмовъ было отрадой его души, какъ выраженіе искренней преданности вѣрѣ приносящихъ жертвы, и какъ возбужденіе къ благоговѣнію предъ святыней. Особенное вниманіе его было обращено на достойное присутствія Божія хожденіе во храмѣ и священнодѣйствіе служителей алтаря, и съ особеннымъ благоволеніемъ взиралъ онъ на дѣятельность тѣхъ пастырей, которые проходили свое служеніе съ искреннею заботливостью о внутреннемъ благоустроеніи своихъ чадъ духовныхъ.

«Двери его дома всегда были открыты для всѣхъ имѣющихъ нужду въ разрѣшеніи душевныхъ недоумѣній, для уязвленныхъ въ своей совѣсти и ищущихъ умиротворенія,—и всякаго принималъ онъ и врачевалъ духовно съ любовію отеческою... Въ общественныхъ бѣдствіяхъ и частныхъ нуждахъ, его была первая молитва о всѣхъ и возможная помощь. Воспитаніе юныхъ по-

колѣній въ духѣ христіанскаго благочестія, устроеніе для сиротствующихъ дѣтей духовныхъ лицъ дома призрѣнія и воспитанія, на собственныя средства, пособія готовящимся на служеніе церкви и ихъ наставникамъ, къ улучшенію ихъ внѣшняго быта, безъ всякаго отягощенія церквей и клира, пособія трудящимся въ проповѣди Евангелія среди отдаленныхъ языческихъ племенъ... И кто исчислитъ всѣ другія благотворенія сердобольнаго архипастыря?

«Пастырь Христовъ чувствовалъ свой долгъ заботиться не о тѣхъ только, которые стояли въ оградѣ его паствы, но и о тѣхъ, которые въ другія печальныя времена были отторгнуты и похищены у церкви православной заблужденіемъ и коварствомъ. И его святая преданность дѣлу своего служенія, его строгое соблюденіе древняго порядка церковной жизни, его просвѣщенныя бесѣды и пастырскія убѣжденія открывали доступъ слову истины ко внутреннему слуху заблуждающихъ и пріобрѣтали новыхъ членовъ церкви.

«Строгій инокъ и любитель иноческихъ подвиговъ, сдѣлавшись архипастыремъ Московскимъ, сколько обителей иноческихъ онъ обновилъ, устроилъ и утвердилъ своими мудрыми распоряженіями и правилами. Духовное подвижничество, какъ высшій цвѣтъ христіанской жизни, всегда привлекало его сердце въ писаніяхъ ли древнихъ пустынножителей, или въ живыхъ лицахъ,

сокровенно трудящихся предъ Господомъ. И обители иноческія какъ духовно-воспитательныя учрежденія, какъ разсадники благочестія, обладающіе большими средствами къ выполненію древнихъ уставовъ богослуженія, были однимъ изъ постоянныхъ предметовъ его попеченія. И самъ онъ, въ келліи ли Геѳсиманской, среди ли столицы, всегда простой и строгій въ образѣ жизни, всегда благоговѣйный молитвенникъ былъ образцомъ иночества.

«Но строгій инокъ не переставалъ быть горячимъ сыномъ общаго всѣмъ отечества, и пастырь стада Христова являлся мужемъ государственнымъ, когда былъ призываемъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасаются съ дѣлами государства или когда довѣріемъ самодержцевъ русскихъ поручаемы были ему особенно важныя дѣла. Въ нуждахъ государства онъ первый приносилъ жертвы отъ сбереженныхъ имъ даяній. И во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ Царскаго Дома принималъ глубочайшее участіе, съ молитвой въ сердцѣ, съ словомъ духовнымъ.»

Мы сдѣлали такую большую выписку изъ слова, говореннаго протоіереемъ Горскимъ потому, что оно содержитъ въ себѣ самую полную характеристику покойнаго архипастыря. Въ немъ—его образъ, его духъ. Въ немъ онъ какъ будто бы живой встаетъ передъ нами. Передъ нами раскрывается вся его внутренняя жизнь;

его труды, его заботы въ очію проходятъ передъ нами. Мы видимъ здѣсь и пастыря стада Христова и государственнаго мужа, и ученаго богослова, раскрывающаго истины религіи, и человѣка съ любящимъ сердцемъ, подающаго собою примѣръ христіанскаго смиренія, христіанской любви. Однимъ словомъ, едва ли возможно ярче и полнѣе въ такихъ короткихъ словахъ нарисовать портретъ великаго человѣка, только-что утраченнаго нами.

Теперь снова возвратимся въ Кремль, въ которомъ въ монастырѣ Чудовѣ, происходитъ отпѣваніе.

Отпѣваніе происходило въ трапезѣ храма. Къ нему облачались всѣ находившіеся здѣсь іерархи въ числѣ семи, между коими находился и престарѣлый, лишившійся зрѣнія архіепископъ Евгеній, членъ московской синодальной конторы, живущій на спокоѣ въ Донскомъ монастырѣ, старше усопшаго митрополита пятью годами. Многочисленное духовенство черное и бѣлое окружало гробъ и участвовало въ отпѣваніи. При этомъ печальномъ торжествѣ присутствовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, нарочно прибывшій изъ Петербурга, для отданія этой последней почести знаменитому іерарху. Литургія и отпѣваніе продолжались отъ 9 часовъ утра почти до половины втораго часа пополудни.

Во время отпѣванія была сказана протоіереемъ цер-

кви Николы Явленнаго, что на Арбатѣ, С. И. Зерновымъ надгробная рѣчь, достойно почтившая память оплакиваемаго всею православною церковію архипастыря.

Вотъ текстъ этой рѣчи:

«И такъ, ты оставляешь насъ, великій святитель и отецъ нашъ! Оставляешь твою вѣрную, свято и глубоко чтущую тебя паству, которая со всѣхъ концовъ стремится къ твоимъ останкамъ; чтобы прикоснуться къ нимъ и принять твое послѣднее благословеніе. Въ послѣдній разъ мы видимъ твой, запечатлѣнный безмолвіемъ смерти ликъ, на которомъ такъ ясно еще сохраняется отпечатокъ твоего глубокаго, всегда собраннаго въ себѣ самомъ духа. Въ послѣдній разъ лобызаемъ твои святительскія руки, которыми и въ самый день преставленія ты приносилъ Святые Дары Господу о спасеніи Царя, Отечества и паствы твоей. Скоро и эта бренная храмина, въ которой обиталъ твой мощный духъ, сокроется въ сооруженной по благословенію твоему гробницѣ.

«Разставаясь съ тобой для чувственнаго взора на вѣки, мы провожаемъ тебя въ страну вѣчности словомъ общей живой признательности къ тебѣ за твою святую жизнь, за твое мудрое пастырство, за твои великія заслуги, которыя недавно еще были такъ торжественно праздпованы всею Русскою землею. Всенародно признанный мужемъ высшей науки, доблестнымъ гражданиномъ

мудрымъ пастыремъ, Богомудрымъ учителемъ вѣры и благочестія, ты въ этомъ неложномъ признаніи понесъ Господу твоему праведное свидѣтельство о твоихъ великихъ трудахъ въ разнообразномъ служеніи благу церкви и государства. Поистинѣ ты заслужилъ право на вѣчную молитву о тебѣ, на вѣчную память и на вѣчный покой. И безъ сомнѣнія, это чаяніе, а не услажденіе хвалою наполняло твою душу, когда ты внималъ безчисленнымъ изъявленіямъ чувствъ, возбужденныхъ общимъ сознаніемъ твоихъ заслугъ. Отвѣтствуя на эти изъявленія, ты смиренно отрекся принять что-либо себѣ изъ великихъ словъ, сказанныхъ тебѣ Царемъ православнымъ, святѣйшимъ правительствующимъ соборомъ всероссійскимъ, паствою твоею, народомъ русскимъ и главнѣйшими учрежденіями благотворительности и просвѣщенія отечественнаго. Но этотъ день твоей жизни принадлежитъ церкви. Онъ не забудется въ ней какъ день славы всего православія. Съ памятью о семъ днѣ неразлучно будетъ храниться въ ней свѣтлый образъ твоихъ духовныхъ и гражданскихъ доблестей.

«Священнѣйшій отецъ и архипастырь нашъ! Воспоминаніе о твоихъ великихъ заслугахъ при твоемъ гробѣ, при предстоящемъ намъ послѣднемъ цѣлованіи твоихъ священныхъ останковъ, увеличиваетъ болѣзненность разлуки съ тобой! Зрѣлище это такъ непосредственно даетъ чувствовать великость постигшей насъ утраты!

Долго и глубоко будетъ чувствоваться во всемъ православномъ мірѣ эта утрата! И много, много усердныхъ молитвъ будетъ возноситься о тебѣ вѣрными сынами церкви и особенно въ паствѣ твоей! Привлекаемый въ нашъ міръ этими знаками привязанности и усердія къ тебѣ, не прерывай твоего общенія съ нами и съ паствою твоею? Содѣлавшись уже гражданиномъ небеснаго міра, какъ уповаемъ мы, во свѣтѣ новой жизни воспоминай предъ Господомъ Царя православнаго, котораго ты чтилъ и любилъ, какъ наилучшій гражданинъ земли русской, воспоминай церковь православную, отечество твое и паству. Твое же священное имя, твоя святая душа и жизнь, твое святительство никогда, никогда не забудется въ землѣ русской и особенно въ паствѣ твоей? Соединяя насъ съ тобою и оживляя въ душахъ нашихъ нетлѣнный образъ твоего духа, да возбуждаетъ въ насъ сіе воспоминаніе подражать твоему вниманію къ душѣ и ко всѣмъ ея обнаруженіямъ, твоему Богомыслію, твоей неизмѣнной вѣрности апостольскому преданію и установленіямъ святой церкви, твоей непреклонной твердости въ исполненіи обязанностей христіанина и гражданина.

«Еще слово. Ты избралъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія въ обители великаго чудотворца всея Россіи. Святая мысль! Приходящіе къ его многоцѣлебному гробу не пройдутъ мимо и твоей многопоучительной гробни-

цы. Кто изъ твоей паствы и изъ всей русской страны не скажетъ, молитвенно преклонясь предъ твоимъ гробомъ: Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ?»

По окончаніи богослуженія, викаріями московской епархіи приглашено было все присутствовавшее наономъ духовенство и почетныя лица города на поминовеніе и обѣденный столъ въ Мѵроварной палатѣ, находящейся при церкви Двѣнадцати апостоловъ въ Кремлѣ.

Его Высочество, въ сопровожденіи Московскаго Генералъ-Губернатора Князя Владиміра Андреевича Долгорукова, прибывшаго въ Москву съ Его Высочествомъ генералъ адъютанта графа Б. А. Перовскаго и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода статсъ-секретаря, Министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстаго, присутствовалъ при происходившей въ мѵроварной палатѣ литіи, которую совершалъ высокопреосвященный Арсеній.

Такъ какъ стеченіе народа въ Кремлѣ было громадное, то дабы сколь возможно большее число желающихъ поклониться тѣлу усопшаго могло выполнить свое сердечное желаніе,—гробъ былъ оставленъ незакрытымъ до другаго утра, то есть до 26 числа ноября, и православные чтители своего архипастыря продолжали собираться въ Чудовомъ монастырѣ до глубокой ночи.

Вечеромъ въ этотъ день высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, была отслужена панихида, на которой также присутствовалъ Его Императорское Высочество. Послѣ этой панихиды митрополитъ Арсеній, отъ лица всего духовенства выражая его Высочеству благодарность за участіе, принятое имъ въ печали московской паствы, поднесъ Августѣйшему посѣтителю икону Московскихъ святителей.

Въ воскресенье 26 числа, въ 11-мъ часу дня назначенъ былъ выносъ изъ Чудова монастыря. Вотъ церемоніалъ перенесенія тѣла высокопреосвященнѣйшаго Филарета изъ Чудова монастыря на мѣсто погребенія къ Троицкую Сергіеву-Лавру:

Въ первомъ пунктѣ было сказано что отпѣваніе почившаго архипастыря должно произойти субботу, и мы уже описали его.

2) 26 числа ноября, въ воскресенье, по окончаніи литургіи, которая начнется въ 8 часовъ утра

А. Надъ тѣломъ почившаго архипастыря совершается литія.

В. Гробъ архипастыря изъ церкви Чудова монастыря имѣетъ быть вынесенъ архимандритами.

С. Отъ Чудова монасыря процессія направляется:

а) Чрезъ Никольскія ворота, мимо Казанскаго собора, по Никольской улицѣ, ко Владимірскимъ воротамъ.

б) Отъ Владимірскихъ воротъ, чрезъ Лубянскую пло-

щадь, по правую сторону бассейна, по Мясницкой улицѣ, къ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ.

в) Отсюда къ воксалу Троицкой желѣзной дороги.

D. Процессія слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ, какой опредѣленъ церемоніаломъ для перенесенія тѣла почившаго архипастыря въ Чудовъ монастырь; за старшинами же городскихъ сословій слѣдуютъ: наставники и студенты Московской Духовной академіи, чиновники Московскихъ Синодальной типографіи и Синодальной конторы и депутаты отъ Московскихъ единовѣрцевъ, а за ними остальные чины по церемоніалу. При гробѣ слѣдуютъ съ архимандритами, настоятель и иноки единовѣрческаго монастыря.

E. Мѣста для перемѣны лицъ на пути назначаются: 1) у Богоявленскаго монастыря и у церквей 2) Архідіакона Евпла, 3) Николаевской на Мясницкой и 4) у Трехвятительской у Красныхъ воротъ.

F. Гробъ почившаго архипастыря въ первую чреду, то есть отъ Чудова монастыря до Богоявленскаго, несутъ архимандриты, а въ прочія чреды протоіереи и священники, имѣющіе камилавки.

G. Литіи совершаются:

а) По выходѣ изъ Чудова монастыря противъ Успенскаго собора; къ чему присоединяется духовенство всѣхъ соборовъ въ Кремлѣ.

б) Предъ Казанскимъ соборомъ, къ которому приносится икона Иверской Божіей матери.

в) Предъ Богоявленскимъ манастыремъ, съ участіемъ духовенства манастырей Заиконоспасскаго и Греческаго.

г) Предъ церквами, находящимися на пути, какъ показано въ прежнемъ церемоніалѣ.

и д) По прибытіи къ воксалу.

Н. Порядокъ выхода духовенства изъ монастырей и церквей на пути и звона при церквахъ соблюдается по прежнему церемоніалу, кромѣ того, что вмѣсто перезвона производится звонъ.

3) По прибытіи на станцію Троицкой желѣзной дороги:

А. Гробъ почившаго архипастыря поставляется на устроенное мѣсто, для отправленія въ Троицкую Сергіеву Лавру.

В. При гробѣ помѣщаются на приготовленныхъ мѣстахъ:

а) Евангеліе, запрестольные крестъ и икона Божія матери и иконы: Казанскія Божія матери, Преподобнаго Сергія и четырехъ московскихъ святителей; б) дикиріи и трикиріи; в) рипиды, г) кадила, д) крестъ, е) посохъ, ж) лампада, з) церковный фонарь.

С. Для сопровожденія гроба въ Троицкую Сергіеву Лавру назначаются: архимандриты, члены консисторіи, члены попечительства и благочинные города Москвы; прочее духовенство по особому назначенію.

Д. Во время слѣдованія гроба въ Троицкую Сергіеву Лавру совершаются литіи на станціяхъ: Мытищинской и Хотьковской.

Е. Для сего духовенство отъ двухъ или трехъ, по удобству, ближнихъ церквей, заблаговременно собирается на упомянутыя станціи въ черномъ облаченіи, съ хоругвями, запрестольными крестами и иконами; при чемъ одинъ изъ священниковъ имѣетъ крестъ, діаконы кадило, а причетники со свѣчами. На Хотьковскую станцію, вмѣстѣ съ духовествомъ Хотькова монастыря, выходятъ того монастыря игуменія съ сестрами.

4) По прибытіи гроба на воксалъ желѣзной дороги въ Сергіевскомъ посадѣ:

А. Совершается при гробѣ литія.

В. Затѣмъ тѣло почившаго архипастыря, по особому церемоніалу, вносится въ обитель преподобнаго Сергія.

С. Священники посадскихъ церквей съ прочимъ духовенствомъ участвуютъ какъ въ церемоніи перенесенія тѣла почившаго архипастыря въ обитель, такъ и въ погребеніи его.

и Д. Во время перенесенія гроба въ обитель при всѣхъ посадскихъ церквахъ производится звонъ.

Итакъ, въ воскресенье 26 числа Москва простилась съ драгоцѣнными останками своего высокочтимаго архипастыря, въ которомъ она привыкла видѣть своего наставника и, смѣемъ сказать, друга! Мы говоримъ друга

*

потому, что между нимъ и его паствой было полнѣйшее общеніе, что мы такъ привыкли къ его любовно кроткому лику, къ его тихому, но проникавшему до глубины души голосу, къ его тихой, но величаво-мудрой рѣчи. Москва простилась съ нимъ, рыдая и плача.

Литургія въ Чудовомъ монастырѣ началась въ $8^1/_2$ часовъ утра и была совершена митрополитомъ Арсеніемъ и преосвященнымъ Леонидомъ, викаріемъ московскимъ, съ намѣстниками Троице-Сергіевской Лавры архимандритомъ Антоніемъ и Чудова монастыря архимандритомъ Веніаминомъ и прочимъ духовенствомъ, въ присутсвіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, генералъ губернатора, оберъ-прокурора святѣйшаго синода и прочихъ лицъ.

По окончаніи литургіи и передъ началомъ литіи протоіереемъ Троицкой, что на Арбатѣ, церкви Ив. М. Богословскимъ - Платоновымъ было сказано прощальное слово, которое мы также приводимъ здѣсь, желая дать читателямъ самый полный отчетъ о погребеніи архипастыря, святая жизнь котораго послужила предметомъ для нашего сочиненія.

Вотъ это слово:

«Въ какой путь провожать своего святителя собрался нынѣ градъ первопрестольный? Зачѣмъ не въ обычное ему время удаляется онъ въ любимую обитель? Увы! тамъ, гдѣ по временамъ искалъ онъ краткаго от-

дыха, указалъ онъ для себя и мѣсто вѣчнаго упокоенія. Отцы и братіи. Усѣемъ слезами путь его гробу: нашему плачу вторитъ вся Русь православная; это— печаль общая, великая утрата для всего христіанства. Угасъ свѣтильникъ, отъ котораго свѣтъ истиннаго Боговѣдѣнія и высокой доблести духовной распространялся до отдаленнѣйшихъ предѣловъ церкви восточной, и даже достигъ иновѣрныхъ, ищущихъ православія; умолкли уста, изъ которыхъ каждое исходившее слово было правиломъ вѣры и закономъ для жизни и дѣятельнаго служенія Богу и человѣчеству во всякомъ его видѣ.

«Но что же угасло? Угасло горѣвшее вещество, а самый свѣтъ, который озарилъ предъ міромъ глубину истинъ вѣры и высоту жизни христіанской, —онъ не можетъ угаснуть, отъ него остались немерцающіе лучи, общее драгоцѣнное достояніе всѣхъ родовъ и временъ. Сомкнулись уста, а слово, изшедшее изъ нихъ, облетѣло весь міръ христіанскій, сдѣлалось символомъ православія, воплощеніемъ духовной мудрости, ключемъ для разрѣшенія недоумѣнія, печатью истины, неистощимымъ назиданіемъ для паствы, неизмѣннымъ руководствомъ для пастырей.

«Но если слово и житіе почившаго въ Бозѣ іерарха пребудутъ незабвенными и руководственными для всей церкви, паче же для осиротѣвшей церкви Московской:

то и онъ, отецъ нашъ, съ своей стороны покинетъ ли сердцемъ свою паству, для которой почти полвѣка, до послѣдняго часа жизни, трудился, не зная покоя и объемля неутомимымъ вниманіемъ всѣ даже малѣйшія дѣла, относящіяся до благоустройства ея? Можетъ ли расторгнуться столь крѣпкій духовный союзъ? Можетъ ли прекратиться отеческое попеченіе, внушаемое столь пламенною, неугасимою ревностью о спасеніи духовныхъ чадъ? Нѣтъ, мы вѣримъ, что неразлучаемся съ тобою святый архипастырь нашъ! Какъ прежде, временно, оставлялъ ты градъ сей для того, чтобы въ уединеніи имѣть болѣе свободы пещись и трудиться для блага ввѣренной тебѣ церкви, окриляя духъ молитвой при гробѣ великаго угодника Божія Сергія: такъ и нынѣ, когда тѣломъ грядешь ты для упокоенія въ его земной обители, духъ твой, всегда парившій выше земли и времени, напутствуемый слезными молитвами многихъ и многихъ тысячъ людей, несомнѣнно устремляется къ небесной и вѣчной обители преподобнаго, откуда благоговѣющая передъ тобой паства ожидаетъ твоихъ непрестающихъ молитвъ и твоего святительскаго благословенія.»

Умолкло это прощальное слово; окончилась литія. Священнодѣйствовавшіе архимандриты вынесли гробъ изъ Чудова монастыря, и началась печально-торжественная процессія, направляясь съ хоругвями, иконами и

пѣвчими впереди къ Троицкой желѣзной дорогѣ. Шествіе совершалось въ томъ самомъ порядкѣ, какой описанъ въ вышеприведенномъ церемоніалѣ.

При гробѣ, одѣтомъ золотыми покровами и епископскою мантіей, шли у возглавія намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній и у ногъ намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Веніаминъ, который ровно за 21 годъ до сего печальнаго дня, того же самаго 26 числа ноября, нынѣ почившимъ святителемъ, былъ постриженъ въ монашество. Непосредственно за гробомъ ѣхалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, генералъ-адъютанта графа Перовскаго, командующаго войсками Московскаго военнаго округа генералъ-адъютанта А. И. Гильденштуббе и другихъ лицъ также верхомъ. Въ печальной процессіи принималъ участіе и оберъ, прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода Д. А. Толстой.

Процессія выступила изъ Кремля въ Никольскія ворота, перешла Красную площадь и направилась по Никольской улицѣ. Здѣсь, во время литіи у Казанскаго собора, гробъ приняли выборные городскихъ сословій и несли его до самой станціи желѣзной дороги, чередуясь между собою. На Никольской улицѣ дома Синодальной типографіи и графа Шереметева, арендуемый Порховщиковымъ, были убраны траурною драпировкою.

Перейдя чрезъ Лубянскую площадь и направясь затѣмъ по Мясницкой улицѣ и мимо Красныхъ воротъ, торжественное шествіе прибыло на станцію Московско-Ярославской желѣзной дороги въ четверть-втораго пополудни.

Такое же безчисленное множество народа, какъ и въ день перенесенія тѣла съ Троицкаго подворья въ Чудовъ монастырь, встрѣчало и провожало процессію на всемъ протяженіи. Погода была неблагопріятная, но не смотря на это, всѣ улицы, площади, тротуары, кровли домовъ—представляли какъ бы одну сплошную массу. Однако и при такомъ громадномъ, давно невиданномъ стеченіи народа былъ соблюдаемъ повсюду удивительный порядокъ. Торжественный звонъ колоколовъ всѣхъ Московскихъ церквей какимъ-то непрерывнымъ гуломъ стоялъ надъ городомъ. Передъ каждою церковью, мимо которой проходила процессія, совершалась литія.

По прибытіи на станцію, фасадъ которой былъ убранъ траурною драпировкой, духовенство собралось и стало по обѣ стороны пути, въ кругу замкнутомъ хоругвями. Здѣсь была совершена послѣдняя литія, и гробъ былъ внесенъ на станцію. Экстренный поѣздъ уже ожидалъ печальную процессію. Три открытыя платформы были соединены вмѣстѣ, и на средней было устроено небольшое возвышеніе, къ которому прикрѣпили гробъ осѣненный хоругвями и рипидами. Часть духовенства съ иконами и пѣвчіе стали на той же платформѣ.

Тутъ еще разъ была произнесена молитва за новопреставленнаго, и въ половинѣ втораго пополудни поѣздъ двинулся по направленію къ той обители, которую покойный ея священно-архимандритъ избралъ мѣстомъ для своего послѣдняго упокоенія,—къ той обители, которая была его любимымъ мѣстопребываніемъ и которая драгоцѣнна для сердца каждаго Русскаго по многимъ великимъ воспоминаніямъ.

Высокопреосвященный Арсеній митрополитъ Кіевскій и Галицкій, архіепископы: Нилъ Ярославскій, Антоній Владимірскій; епископы: Никандръ Тульскій, Леонидъ Дмитровскій, Игнатій Можайскій, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Антоній, другіе архимандриты, члены консисторіи, члены попечительства и благочинные города Москвы сопровождали гробъ въ томъ же поѣздѣ.

Медленно, тихо, какъ бы незамѣтно для собравшагося здѣсь множества народа, покрывавшаго площадь передъ станціей желѣзной дороги сплошною массой головъ, двинулся этотъ печальный поѣздъ къ мѣсту своего назначенія. Онъ прибылъ въ Лавру чрезъ три часа и двѣнадцать минутъ.

При послѣдней литіи, совершенной на платформѣ, присутствовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, по окончаніи которой возвратился во дворецъ и вечеромъ того же дня, въ шесть

часовъ вечера, изволилъ отправиться обратно въ С.-Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ.

Послѣдуемъ за драгоцѣнными останками въ то мѣсто послѣдняго упокоенія, которое было избрано самимъ архипастыремъ Послѣдуемъ за этими останками въ самую Троицкую Лавру.

Медленно двигаясь по предназначенному пути, траурный поѣздъ проѣхалъ наконецъ Талицкую станцію. Это было въ три часа по полудни. И въ это самое время начался звонъ въ Лаврской колокольнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ все лаврское и посадское духовенство, подъ предстоятельствомъ ректора духовной академіи протоіерея А. В. Горскаго, въ сопровожденіи наставниковъ и студентовъ академіи, а также наставниковъ и учениковъ Виѳанской семинаріи, направилось съ крестнымъ ходомъ отъ Троицкаго собора къ станціи желѣзной дороги.

Какъ только раздался первый ударъ колокола, безчисленныя толпы народа спѣшили занять удобныя мѣста по всему пути, гдѣ должно было слѣдовать печальное шествіе.

Уже стемнѣло; было около пяти часовъ вечера, когда показались вдали медленно приближавшіеся огни фонарей, обозначавшіе мѣсто, гдѣ на возвышенномъ катафалкѣ помѣщался гробъ почившаго архипастыря. Духовенство Лавры вышло на платформу, дабы срѣтить и принять этотъ драгоцѣнный гробъ.

Въ то же время высокопреосвященный Арсеній митрополитъ Кіевскій и прочіе архіереи, въ полномъ облаченіи сопровождавшіе тѣло въ Бозѣ почившаго святителя, вынесли изъ вагоновъ и послѣ краткой литіи открыли печальное шествіе при потрясающихъ звукахъ умилительнаго канона «Помощникъ и покровитель».

Поистинѣ дивная и трогательная та была картина! Что-то таинственно-величавое представляло это торжественно-печальное шествіе, медленно двигавшееся во мракѣ ночи при стройномъ пѣніи двухъ хоровъ (Чудовскаго и Лаврскаго), при уныломъ звонѣ многочисленныхъ колоколовъ, сопровождаемое несмѣтными толпами народа. Самый сумракъ ночи придавалъ ему еще болѣе величія печали.

И взоры всего безчисленнаго стеченія народа,—всѣ взоры были устремлены къ тому мѣсту, гдѣ какъ яркія звѣзды горѣли въ высотѣ огни фонарей. То были путеводныя звѣзды, указывавшія путь, по которому зрители могли слѣдить за останками усопшаго архипастыря. Вокругъ гроба, несомаго священно-служителями, рѣяли въ воздухѣ, освѣщенные блѣднорозовымъ свѣтомъ, лаврскія хоругви, которыя и въ Москвѣ неразлучно слѣдовали за симъ гробомъ.

Противъ Пятницкой церкви была совершена литія, и затѣмъ печальное шествіе безостановочно продолжалось чрезъ Лаврскія святыя ворота до Троицкаго собора.

Здѣсь снова была совершена литія и потомъ гробъ былъ внесенъ въ соборъ и поставленъ на приготовленномъ для него возвышенномъ мѣстѣ.

По окончаніи краткой эктеніи была произнесена бакkалавромъ академіи іеромонахомъ Іоанномъ надгробная рѣчь; затѣмъ по возглашеніи вѣчной памяти новопреставленому архипастырю началось при гробѣ обычное чтеніе Евангелія.

Съ семи часовъ до десятаго продолжалось всенощное бдѣніе, отправленное по особому чину заупокойной службы. Въ теченіе всей ночи и Лавра и соборъ не запирались, дабы народъ могъ безпрепятственно приходить на поклоненіе гробу блаженно почившаго святителя.

Въ девятый день по кончинѣ архипастыря, 27 ноября—литургія началась съ половины десятаго часа. Священнодѣйствіе совершали высокопреосвященный Арсеній митрополитъ Кіевскій, преосвященные архіепископы Нилъ Ярославскій и Антоній Владимірскій и преосвященный епископъ Дмитровскій викарій Московскій Леонидъ въ сослуженіи намѣстника Лавры архимандрита Антонія, ректора академіи протоіерея А. В. Горскаго, еще пяти архимандритовъ и череднаго іеромонаха. Надгробное слово было произнесено ректоромъ Виѳанской семинаріи Архимандритомъ Сергіемъ. По окончаніи литургіи тѣ же преосвященные, къ которымъ при-

соединился и епископъ Тульскій Никандръ, служили при гробѣ почившаго Архипастыря торжественную панихиду. Въ служеніи ея участвовалъ многочисленный соборъ почетнаго московскаго духовенства... архимандриты протоіереи и священники, большая часть которыхъ сопрововождала тѣло незабвеннаго для нихъ архипастыря отъ Москвы до Лавры.

Изъ почетнѣйшихъ лицъ, кромѣ духовенства, за литургіей и панихидой присутствовали: Московскій генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, князь Н. И. Трубецкой, гражданскій-губернаторъ Я. И. Барановъ и А. Н. Муравьевъ, нарочно прибывшій изъ С.-Петербурга, чтобъ отдать послѣдній долгъ архипастырю, пріязнію котораго онъ пользовался много лѣтъ и къ котсрому всегда питалъ благоговѣйное почтеніе.

Послѣ панихиды все духовенство и почетныя лица были приглашены къ обѣденному столу въ Лаврскую трапезу.

Вечеромъ, съ шести часовъ, по тому же чину, какъ и прежде, началось всенощное бдѣніе, въ совершеніи котораго принималъ участіе преосвященный епископъ Дмитровскій Леонидъ со старшимъ духовенствомъ. Преданіе землѣ тѣла въ Бозѣ почившаго архипастыря было назначено на другой день.

Вотъ самый полный отчетъ о погребеніи нашего маститаго архипастыря. Излагая его, мы имѣли въ виду

не художественное изображеніе, но старались въ цѣльной и послѣдовательной картинѣ передать читателямъ и само печальное событіе, и то впечатлѣніе, которое оно произвело на первопрестольную столицу.

Эта часть статьи нашей окончена, и мы перейдемъ теперь къ біографіи святителя, оплакиваемаго нами. Мы возпользуемся всѣми возможными источниками и надѣемся вѣрно представить нашего незамѣнимаго архипастыря. Да, незамѣнимаго, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту,—говоримъ это смѣло потому, что это было самое народное имя.

III.

Его Высокопреосвященство митрополитъ Московскій Филаретъ, въ крещеніи Василій Дроздовъ, родился въ городѣ Коломнѣ, 26 декабря 1782 года. Онъ былъ сыномъ коломенскаго протоіерея Михаила.

Воспитываясь въ родительскомъ домѣ, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣлъ передъ собой примѣры кротости, смиренія, любви, примѣры истиныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Извѣстно, какъ сильно примѣры, видѣнные въ дѣтствѣ, вліяютъ на развитіе характера, во всю послѣдующую жизнь. Характеръ развивается подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ: сердце ребенка подобно мяг-

кому воску; всѣ явленія окружающаго міра необходимо отражаются въ дѣтской душѣ и напечатлѣваются въ ней. Тонкая наблюдательность дѣтей иногда поразительна: ребенокъ замѣчаетъ часто такія тонкія черты, которыя для взрослаго остаются незамѣтными; отъ его вниманія рѣдко ускользаютъ повседневныя явленія жизни, и понятно, что чѣмъ чаще, чѣмъ выше и прекраснѣе эти явленія, тѣмъ лучшее направленіе принимаетъ дѣтскій характеръ, тѣмъ чище и благороднѣе становятся чувства ребенка, которыя тѣмъ глубже и сильнѣе укореняются въ немъ, чѣмъ продолжительнѣе это благотворное вліяніе.

Понятно, что мы говоримъ здѣсь о натурахъ избранныхъ, высшихъ, съ самыхъ младенческихъ лѣтъ отмѣченныхъ перстомъ Провидѣнія и предназначенныхъ для чего-нибудь великаго въ той или другой сферѣ дѣятельности.

Только хорошее сѣмя приноситъ добрый и здоровый плодъ; но и это сѣмя для произведенія плода должно пасть на плодородную почву. Сѣмена добра и истины потому только могли возрости въ великой душѣ митрополита Филарета, что она была готова для ихъ воспріятія.

Сколько мы видимъ людей, изъ которыхъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, развиваются натуры лживыя, недостойныя или крайне ограниченныя. Въ чемъ отыскивать причины этого неправильнаго раз-

витія? Не ясно ли выражается здѣсь указующій перстъ Промысла Божія? И этотъ то перстъ ясно видѣнъ во всей жизни покойнаго Филарета,—перстъ, указывавшій ему путь, по которому онъ неуклонно слѣдовалъ.

Но вначалѣ всѣ заботы о воспитаніи ребенка лежатъ почти исключительно на матери, ибо самой важной, самой великой обязанностью женщины есть материнская обязанность: въ ней назначеніе женщины.

И какъ многозначительно, какъ священно слово— мать! Сколько самаго драгоцѣннаго, сколько сладостныхъ воспоминаній соединяется съ ея именемъ. Кто можетъ безъ сердечнаго умиленія вспомнить о томъ времени своей жизни, когда ея ликъ склонялся надъ дѣтской колыбелью и крестилъ своего дитятю и молился надъ нимъ о дарованіи ему всего, чѣмъ прекрасна жизнь! Если мы скажемъ, что съ воспоминаніемъ о ней соединяется воспоминаніе о дарованіи ею намъ жизни, этого перваго блага, заключающаго всѣ прочія, то мы скажемъ мало, ибо тоже самое значеніе имѣетъ и отецъ.

Нѣтъ, она не только дала намъ жизнь но и носила насъ подъ своимъ сердцемъ, жила одною, нераздѣльною жизнью, чутко прислушивалась къ первому пробужденію нашей жизни; она не просто дала намъ жизнь, но съ мучительною болью, какъ бы сожалѣя о разлукѣ отдѣлила нашу жизнь отъ своей, такъ сказать, оторвала часть самой себя. Но и выдѣливъ насъ изъ

себя, мать все еще продолжаетъ жить съ нами одною жизнію. Она питаетъ насъ и проводитъ надъ нашею колыбелью длинный рядъ безсонныхъ ночей.

Любовь матери безгранична, неистощима, неослабляема, и если какая-нибудь человѣческая любовь можетъ приближаться къ совершеннѣйшей Божественной любви, то это любовь материнская. И поэтому то такъ неотразимо, такъ неизгладимо вліяніе любящей матери на дѣтей.

Женщина становится матерью задолго еще до рожденія ею ребенка,—съ той минуты, какъ почувствуетъ подъ сердцемъ сладкое для каждой истинной матери бремя. Съ минуты рожденія обязанности матери усложняются и измѣняются; она должна заботиться о томъ, чтобы сохранить и укрѣпить слабую жизнь своего ребенка. Это самый трудный періодъ въ ея жизни.

Но съ окончаніемъ періода кормленія наступаютъ для матери другія не менѣе трудныя заботы. Она должна слѣдить за духовнымъ развитіемъ ребенка, за его нравственнымъ воспитаніемъ, должна помогать этому развитію и должна давать ему направленіе. Она должна подстерегать въ ребенкѣ первые проблески сознанія и давать ему первые уроки. Она должна воспитать въ немъ будущаго гражданина. Таковъ тотъ высокій образъ женщины-матери, который мы себѣ представляемъ, который присутствуетъ въ нашемъ сознаніи.

Итакъ, та, подъ вліяніемъ которой должны были про-

текать первые младенческіе дни мужа, всю жизнь свою являвшаго собою образъ истиннаго пастыря стада Христова, могла быть только самымъ полнымъ выраженіемъ этого идеала. Она должна была соединять въ себѣ всѣ качества, необходимыя для развитія въ своихъ дѣтяхъ мудраго духа, глубокой любви, глубокой и чистой вѣры.

Къ сожалѣнію, о родителяхъ митрополита Филарета сохранилось очень немного свѣдѣній или, лучше сказать, почти никакихъ свѣдѣній не сохранилось. У насъ это очень нерѣдкій случай. Слѣдуетъ ли отнести подобное небреженіе къ нашему, весьма непохвальному, равнодушію или къ трудности собиранія фактовъ—это совсѣмъ другой вопросъ, ни мало не относящійся къ цѣли нашего повѣствованія. Но нельзя не сознаться, что подобное обстоятельство весьма много вредитъ историческимъ и біографическимъ изысканіямъ, для точности которыхъ весьма важно и даже необходимо знать какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ, въ какой средѣ слагался характеръ того или другаго историческаго лица.

Въ настоящее время мы лишены этихъ данныхъ и можемъ только гадательно говорить о томъ, о чемъ должны бы были говорить утвердительно. Но и при такомъ недостаткѣ біографическихъ данныхъ мы, не обинуясь, можемъ предположить, что родители митрополита

Филарета были люди истинно нравственные и богобоязненные. Въ этомъ предположеніи насъ утверждаетъ и то, что отецъ высокопреосвященнаго самъ принадлежалъ къ духовному сану, и то, что въ семействѣ суетномъ, неосѣненномъ благодатію Божіею, не могло бы явиться члена, который впослѣдствіи сталъ такъ высоко посреди людей не по одному только сану, но по духу, по сердцу, по уму.

Мы говорили, что въ самомъ началѣ покойный митрополитъ Филаретъ воспитывался въ семействѣ, въ домѣ отца своего. Потомъ, когда настало время для болѣе серьозныхъ занятій, онъ вступилъ въ Коломенскую семинарію.

Бытъ тогдашнихъ училищъ конечно не могъ сравняться съ бытомъ современныхъ намъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія; они были небогаты средствами для развитія необыкновенныхъ дарованій, какъ это сказано протоіереемъ Горскимъ въ его словѣ при отпѣваніи въ Бозѣ почившаго архипастыря нашего, а потому можно сказать, что Самъ Господь своими путями довершилъ его образованіе.

Уже при самомъ вступленіи въ семинарію юный ученикъ, которому суждено было сдѣлаться благоустроителемъ духовно-учебныхъ заведеній, оказывалъ необыкновенно острый умъ, быстрое соображеніе, способность охватывать со всѣхъ сторонъ изучаемый предметъ,

любовь къ наукамъ и даръ слова. Онъ превосходилъ своими умственными способностями многихъ, если не всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Это ли или какое другое обстоятельство были причиною его перемѣщенія въ Сергіево-Лаврскую семинарію, но только въ Коломенской онъ оставался не долго.

Въ Троице-Сергіевской семинаріи онъ обучался географіи, исторіи, риторикѣ, философіи, Богословію и языкамъ: латинскому, греческому, еврейскому и французскому. Эта семинарія была, такъ-сказать, созданіемъ митрополита Платона.

Платонъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, богатаго людьми необыкновенными. Онъ былъ просвѣщеннѣйшій архипастырь того вѣка, или той эпохи, которая отмѣчена въ русской исторіи особеннымъ величіемъ. Извѣстно, что когда императоръ Іосифъ II, посѣтилъ въ 1780 году Москву подъ именемъ графа Фалькенштейна, то долго бесѣдовалъ съ Платономъ о разныхъ вопросахъ и послѣ, на вопросъ Екатерины: «что онъ нашолъ достопримѣчательнаго въ Москвѣ?» отвѣчалъ: Платона!

Къ нему обращались англійскіе богословы съ вопросами о главныхъ догматахъ Восточной церкви, о св. крещеніи, о почитаніи святыхъ иконъ. Препроводивъ къ нимъ замѣчанія, Платонъ отправилъ въ Лондонъ свое

сочиненіе о христіанскомъ богословіи, которое было переведено на англійскій языкъ.

Съ нимъ переписывались ученые Германіи, Испаніи, Швейцаріи, Франціи, желавшіе имѣть понятіе о религіозномъ состояніи нашего отечества. И послѣ удаленія отъ мірскихъ суетъ, въ обители Виѳанской, имъ самимъ основанной, Платонъ не оставался забытымъ; его посѣщали не только наши сановники и ученые, но и чужестранцы, которыхъ влекло любопытство видѣть въ домашнемъ быту и слышать Московскаго митрополита. Между прочимъ его посѣтилъ профессоръ Кембриджскаго университета Кларкъ, описавшій въ своемъ путешествіи келейную жизнь митрополита

Будучи извѣстенъ какъ архипастырь и ученый, Платонъ, кромѣ того, былъ знаменитъ какъ проповѣдникъ слова Божія. Его проповѣди не отличаются особеннымъ искусствомъ, ни особенною художественностью, о которой онъ мало и заботился, но онѣ производили на слушателей неотразимое вліяніе, потому что Платонъ былъ, по преимуществу, ораторъ. Подъ вліяніемъ этого-то человѣка, было суждено окончательно развиться тому архипастырю, жизнь котораго въ настоящее время служитъ предметомъ нашего описанія.

Безъ всякаго сомнѣнія, необыкновенныя способности высокопреосвященнѣйшаго Филарета Московскаго рано или поздно выдвинули бы его впередъ на ту стезю,

которая назначена была ему самимъ Богомъ, но Платонъ первый отличилъ его, и первый же доставилъ ему возможность выдвинуться изъ толпы. Онъ своимъ прозорливымъ окомъ подмѣтилъ въ усопшемъ нынѣ, будущемъ своемъ преемникѣ, высокія дарованія, свѣтлый умъ и красоту души; особенное же вниманіе маститаго архипастыря на молодаго наставника было обращено его проповѣдями.

По окончаніи курса въ Семинаріи, нынѣ почившій святитель былъ опредѣленъ 21 ноября 1803 года въ учителя греческаго и еврейскаго языковъ въ той же семинаріи. Преподаваніе этихъ двухъ священныхъ языковъ Библіи ближе познакомило его съ самыми коренными источниками христіанства, съ подлинными твореніями св. отцевъ Греческой церкви, изъ которыхъ творенія Григорія Богослова по своему глубокомыслію были особенно сродны его духу и съ такою любовію были имъ изучаемы, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія помнилъ онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ своей жизни.

30 августа 1806 года онъ былъ переведенъ въ званіи учителя же въ классъ поэзіи и вступилъ въ должность проповѣдника при Лаврѣ, по назначенію мѣстнаго начальства; а 14 января 1808 года произведенъ въ учителя высшаго краснорѣчія и риторики съ оставленіемъ въ должности проповѣдника и въ томъ же 1808 году 16

ноября постриженъ въ монашество, а 21 посвященъ въ іеродіакона.

Поступленіе въ монашество еще болѣе сблизило его съ Платономъ, который уже и въ это время жилъ почти постоянно въ Виѳаніи или въ Троицкой Лаврѣ, поручивъ управленіе церковными дѣлами паствы своему викарію. Сближеніе это не могло не повліять на судьбу молодаго наставника и скоро онъ изъ среды пустынной былъ вызванъ на среду высшаго служенія.

1-го марта 1809 года, по указу Правительствующаго Синода, онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ отъ бывшей Коммиссіи Духовныхъ Училищъ Инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи вмѣстѣ съ занятіемъ въ оной каѳедры философскихъ наукъ, а 28 марта посвященъ въ іеромонаха. За тѣмъ 9 августа того же 1809 года назначенъ былъ въ должность Ректора въ учрежденное при семинаріи Александроневское училище, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ при семинаріи. Въ 1810 году онъ былъ переведенъ съ званіемъ баккалавра богословскихъ наукъ въ С.-Петербургскую Духовную академію, въ которой съ 8 февраля началъ сначала преподавать догматическое богословіе, а въ послѣдствіе времени съ 21 іюня того же 1810 года исторію и древности церковныя.

Съ принятіемъ на себя новыхъ обязанностей онъ, всегда строгій къ самому себѣ, почувствовалъ потреб-

ность расширить кругъ своихъ познаній, довершить свое самообразованіе. Новыя принятыя имъ на себя въ сѣверной столицѣ должности потребовали и новыхъ трудовъ и усилій. Онъ не боялся ихъ и не останавливался ни передъ какими трудностями, ни передъ какими препятствіями. Напротивъ, казалось, что вмѣстѣ съ трудностями росли и зрѣли его духовныя силы. Великій духъ не изнемогаетъ при видѣ препятствій, но все болѣе и болѣе крѣпнетъ, подобно тому какъ сталь закаляется въ огнѣ. Его слово, которое такъ умиляло и возвышало насъ впослѣдствіи, уже и тогда было проникнуто глубокими богословскими созерцаніями. Отличительною чертою его проповѣдей уже и тогда было глубокое проникновеніе въ смыслъ ученія Евангельскаго. Его душа любила погружаться въ тайны Креста Христова, въ тѣ тайны, предъ которыми невольно смиряется гордый умъ человѣческій, и которыя доступны только душамъ облагодатствованнымъ.

За свои неусыпные труды и отличіе при исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, за отличное преподаваніе слова Божія онъ, 30 іюня 1811 года, Всемилостивѣйше былъ пожалованъ наперстнымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями, а 8 іюля того же года произведенъ въ Архимандрита. Въ томъ же самомъ іюлѣ мѣсяцѣ, по назначеніи коммисіи Духовныхъ училищъ, онъ обозрѣвалъ находящіяся въ С.-Пе-

тербургѣ уѣздныя и приходскія духовныя училища. При исполненіи этого порученія, какъ и всегда, онъ показалъ себя вполнѣ достойнымъ того довѣрія, которымъ онъ пользовался и отъ правительства и отъ своего духовнаго начальства. Онъ вникалъ во все, входилъ въ самыя малѣйшія подробности, какъ по части преподаванія, такъ и по хозяйственной части. Уже по одному этому назначенію можно видѣть, что и правительство и духовное начальство обращали на него особенное внимаміе, какъ на человѣка достойнаго довѣрія, какъ на личность, далеко выходившую изъ ряда обыкновенныхъ, Это было, такъ сказать, первою ступенью того высшаго довѣрія, какимъ онъ былъ облекаемъ въ послѣдствіи отъ самихъ Вѣнценосцевъ нашихъ.

Въ началѣ 1812 года, того самаго года, въ который зарево московскаго пожара освѣтило и какъ бы предвѣстило освобожденіе Европы,—на него было возложено Коммиссіей Духовныхъ училищъ новое порученіе. Этою коммиссіею ему было поручено образовать для окончившихъ курсъ учениковъ С.-Петербургской духовной семинаріи классъ чтенія св. писанія и св. отецъ и руководства къ прохожденію священнослужительскихъ должностей.

Это новое порученіе, требовавшее и особеннаго умѣнья и особенныхъ знаній, требовавшее отъ устроителя и

большаго духовнаго образованія и высокихъ качествъ наставника, было исполнено имъ съ его обычною ревностью и замѣчательнымъ совершенствомъ.

Въ томъ же 1812 году 12 марта онъ былъ назначенъ и опредѣленъ Ректоромъ Академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ, и 27 того же марта настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря.

Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ обязанности его усложнялись; онѣ дѣлались многостороннѣе, а слѣдовательно и многотруднѣе. Сначала учитель въ Лаврской семинаріи, потомъ профессоръ въ С.-Петербургѣ, онъ наконецъ совмѣстилъ въ себѣ три должности: ректора Академіи, профессора и настоятеля монастыря. Должно удивляться,—и мы удивляемся,—какимъ образомъ хватало у него времени на выполненіе всѣхъ этихъ обязанностей? Понятно, что можно занимать и десять должностей вмѣстѣ, ничего не дѣлая; но, зная то строгое отношеніе къ самому себѣ, то сознаніе долга, которое составляло отличительную черту Филарета, мы должны сознаться, что онъ являлъ собою примѣръ неутомимой дѣятельности неослабнаго рвенія и великихъ нравственныхъ силъ. Именно одно только священное сознаніе высокаго призванія своего, сознаніе долга, налагаемаго на него обязанностями гражданина и пастыря Христова стада, могло дать ему эту силу

для прохожденія труднаго пути, по которому онъ шелъ неуклонно до самой смерти.

Съ этого самаго времени, по званію ректора академіи, присутствовалъ онъ въ С.-Петербургской Духовной Консисторіи, а 29 іюня 1813 года за труды, понесенные имъ по образованію духовнаго юношества и за высоконазидательныя поученія, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени большаго креста, и въ іюлѣ же этого года съ утвержденія Коммиссіи духовныхъ училищъ производилъ обозрѣніе С.-Петербургской Духовной семинаріи.

Это порученіе служило новымъ знакомъ довѣрія со стороны духовнаго начальства къ блестящимъ способностямъ будущаго митрополита Московскаго. Обозрѣніе духовной семинаріи представляло не мало трудностей, такъ какъ состояніе духовныхъ училищъ еще и въ то время далеко было отъ совершенства. Самыя средства ихъ были такъ ничтожны, въ сравненіи съ настоящими средствами, что между современными намъ духовными училищами и училищами прошлаго времени не можетъ быть никакого сравненія. Не забудемъ, что и научная часть далеко не соотвѣтствовала потребностямъ образованія. Все это надо было подмѣтить, объяснить, указать на то, что требуетъ исправленія, что организовано неправильно, въ чемъ чувствуется недостатокъ. Все это было выполнено съ обычнымъ стараніемъ, такъ

что преобразованіемъ духовныя училища во многомъ обязаны митрополиту Филарету. Въ послѣдствіи онъ привелъ ихъ въ болѣе стройную систему, далъ имъ болѣе правильное устройство, особенно въ Московской епархіи. Попеченіе о духовномъ образованіи всегда составляло одну изъ главныхъ заботъ покойнаго архипастыря и по его инициативѣ оно получило то самое направленіе, которое сохранило и до сего времени. Цѣлью этого образованія было воспитаніе юныхъ поколѣній въ духѣ христіанскаго благочестія.

13 августа 1814 года отъ коммиссіи духовныхъ училищъ онъ былъ наименованъ докторомъ православнаго Богословія, а 27 числа того же августа удостоенъ Высочайшаго рескрипта съ изъявленіемъ Высоко-Монаршаго благоволенія за успѣшное окончаніе перваго академическаго курса, за отличные труды и способности къ образованію юношества. И вслѣдствіе представленія коммиссіи духовныхъ училищъ награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ въ 1,500 р. въ годъ.

Итакъ, мы видимъ, что покойный Филаретъ рано обратилъ на себя Монаршее вниманіе. Онъ могъ обратить на себя это вниманіе только своими собственными достоинствами, только своимъ глубокимъ умомъ и своею ревностью при исполненіи обязанностей. Какъ человѣкъ необыкновенный, онъ не нуждался въ протекторатѣ: за него говорили его дѣла, въ которыхъ уже

указывался тотъ величавый духъ, что позже поставилъ его на такую чудесную высоту.

Съ 30 августа того же года, по именному указу Государя Императора, онъ вступилъ членомъ въ коммиссію духовныхъ училищъ, въ которой онъ и ранѣе уже не разъ присутствовалъ, будучи призываемъ въ ея засѣданія предъ открытіемъ Московскаго округа и предъ преобразованіемъ семинарій округа С.-Петербургскаго. Ясно, что духовное начальство хотѣло знать его мнѣнія по такому важному вопросу, какъ образованіе духовенства, и слѣдовательно придавало большое значеніе этимъ мнѣніямъ, какъ мнѣніямъ человѣка близко знакомаго съ состояніемъ училищъ духовнаго вѣдомства.

Это близкое знакомство съ состояніемъ духовнаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ его свѣтлый, просвѣщенный взглядъ — были причиною, почему ему снова было поручено коммиссіей духовныхъ училищъ обозрѣніе разсадниковъ духовнаго просвѣщенія. Въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1815 года онъ обозрѣвалъ Московскую Духовную Академію и семь семинарій: Новгородскую, Тверскую, Владимірскую, Ярославскую, Костромскую, Спасо-Виѳанскую и Московскую, а также и находящіяся при нихъ и на пути между ними нѣкоторыя уѣздныя и приходскія училища.

Какъ мы видимъ, ему предстоялъ не малый трудъ; онъ принялъ на себя не малую нравственную отвѣт-

ственность. Ясно, что подобное порученіе потребовало отъ него сосредоточенія всей его энергіи, всей умственной силы. Уже одно то обстоятельство, что всѣ эти предназначенныя для обозрѣнія заведенія находились въ совершенно противоположныхъ мѣстностяхъ, представляло нѣкоторое затрудненіе для быстраго и точнаго ихъ осмотра. Для этого осмотра, если не желали, чтобъ онъ былъ поверхностнымъ, требовалось, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ. Но что для другихъ было трудно или даже и невозможно, то было легко и возможно для Филарета Московскаго. Онъ производилъ этотъ осмотръ съ небольшимъ только мѣсяцъ и при этомъ не упустилъ изъ виду ни одной сколько-нибудь значительной подробности въ бытѣ юнаго духовенства или въ его научномъ образованіи. Не должно забывать, что въ то время Московская духовная академія была почти еще только-что основана, слѣдовательно требовала обращенія на себя особеннаго вниманія,—требовала правильной организаціи, возможной только съ теченіемъ времени, ибо какъ бы ни былъ совершененъ проектъ или уставъ какого либо заведенія, при приложеніи этого устава на практикѣ всегда встрѣтятся затрудненія, всегда найдется что-нибудь такое, отъ чего можетъ послѣдовать остановка или замѣшательство.

Кромѣ совершенства самого проекта, необходимо, чтобы люди, которымъ поручено его выполненіе, про-

никлись сознаніемъ великости долга; необходимо кромѣ того, чтобы то были люди способные, искренно преданные дѣлу. Даже и одного сознанія долга, одного усердія при исполненіи своихъ обязанностей—недостаточно для наставника: ему необходимо знаніе и умѣнье или способность передавать это свое знаніе своимъ воспитанникамъ, своимъ ученикамъ.

Такимъ образомъ при исполненіи возложеннаго на него порученія Филарету слѣдовало обратить вниманіе не только на научное знаніе и нравственность учениковъ но на способности и степень познанія самихъ наставниковъ,—задача, выполненіе которой доступно не каждому, но которая была выполнена новымъ членомъ коммиссіи съ блистательнымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ доказывается тѣмъ, что 8 апрѣля 1816 года, вслѣдствіе отчета Коммисіи Духовныхъ Училищъ о произведенномъ имъ обозрѣніи С.-Петербургскаго и Московскаго округовъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было какъ за успѣшное исполненіе возложеннаго на него порученія, такъ и за ревностное служеніе по части образованія духовнаго юношества Высочайшимъ рескриптомъ изъявить ему совершенную признательность и въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія Всемилостивѣйше пожаловать панагію.

Это была новая царская награда, новый знакъ царской милости по истинѣ достойному награды.

Между тѣмъ въ это время онъ получилъ уже новое назначеніе, именно въ мартѣ мѣсяцѣ этого года по указу Святѣйшаго синода онъ былъ перемѣщенъ въ Московскій Ставропигіальный монастырь, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ при Академіи.

Это назначеніе было какъ бы предверіемъ той пастырской дѣятельности въ Москвѣ, которою покойный святитель впродолженіи сорока шести лѣтъ прославлялъ московскую каѳедру. Съ этого времени Москва уже можетъ назвать его своимъ, ибо близилось уже то время, когда онъ долженъ былъ возблистать тѣмъ яркимъ свѣтомъ, которымъ сіялъ онъ до самаго заката своей благодатной жизни. Близились дни его величія и славы,— дни неусыпныхъ заботъ о возвеличеніи и прославленіи церкви православной.

Въ томъ же 1816 году 2 іюня Высочайше назначено ему быть членомъ коммиссіи о разрѣшеніи вопроса о томъ, какимъ образомъ должны производиться въ Финляндскихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла о людяхъ духовнаго званія Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія, — вопроса глубокой важности, затрогивавшаго одну изъ существенныхъ сторонъ нашего законодательства, требовавшаго уразумѣнія внутренняго его духа, имѣвшаго предметомъ дать полную независимость православному духовенству отъ иноземныхъ судебныхъ установленій. Отъ членовъ этой коммиссіи зависѣло многое, и если мы

видимъ въ ней нашего скончавшагося архипастыря, то безошибочно можемъ предположить, что назначеніе такой важности было дано ему вслѣдствіе особаго монаршаго благоволенія, вслѣдствіе увѣренности въ его умѣ и знаніи существенныхъ нуждъ духовенства. Царское око уже отличило его среди его собратій; а потому 16 іюля того же года онъ былъ Высочайше утвержденъ членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

3-го марта 1817 года онъ былъ назначенъ членомъ Высочайше утвержденнаго Строительнаго Комитета, при С. Петербургской Духовной Академіи, а 7 апрѣля того же года членомъ Главнаго Правленія Училищъ, и въ іюлѣ мѣсяцѣ обозрѣвалъ уже С.Петербургскую Духовную Семинарію по всѣмъ ея частямъ.

И вотъ, мы снова видимъ его среди самой разнообразной, неутомимой дѣятельности, то засѣдающимъ въ различныхъ коммиссіяхъ, то наблюдающимъ за образованіемъ духовнаго юношества, то участвующимъ въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ, то заботящимся о духовномъ просвѣщеніи. Какая многообразная дѣятельность! Какая нравственная сила должна быть въ человѣкѣ для пониманія всѣхъ этихъ обязанностей! Какой многосторонній умъ проявляется въ столь различныхъ трудахъ! Тогда-то архипастырь С. Петербургскій, преосвященный Амвросій, митрополитъ Новгород-

скій, любившій покойнаго какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощники епископскаго служенія, и по именному Высочайшему указу, послѣдовавшему 23 іюля 1817 года, онъ былъ пожалованъ саномъ епископа съ тѣмъ, чтобы сотоялъ викаріемъ С. Петербургской епархій, съ оставленіемъ въ должности Ректора Акаи управленія Новоспасскимъ монастыремъ, и 5 августа тогожъ года посвященъ въ Епископа Ревельскаго.

Вотъ какой знаменательный и трудный путь долженъ былъ пройти нашъ усопшій владыка до каѳедры епископской,—путь непрерывной и многообразной дѣятельности, путь постояннаго труда. Но онъ, составившій нашу славу и гордость,—славу и гордость Россіи, самъ никогда не помышлялъ о земной славѣ, не искалъ земныхъ почестей, ибо былъ выше ихъ; выше земныхъ помышленій. И когда узналъ онъ отъ своего архипастыря о предстоящемъ назначеніи, то принялъ оное не какъ честь, не какъ награду, а какъ подвигъ. Онъ видѣлъ въ немъ не одно внѣшнее служеніе, но, по выраженію протоіерея Горскаго, строительство душъ. И какъ понималъ онъ свои обязанности, такъ училъ и новыхъ пастырей, самъ служа для нихъ живымъ примѣромъ и въ частной жизни, и какъ пастырь стада Христова.

Впослѣдствіи мы еще не разъ будемъ говорить о его заслугахъ, о его трудахъ на пользу православной

церкви; мы посвятимъ имъ отдѣльную главу въ нашемъ жизнеописаніи; теперь же слѣдуя заранѣе составленному плану, будемъ продолжать въ хронологическомъ порядкѣ повѣствованіе о его, такъ сказать, всѣмъ видимой жизни.

Мы остановились на томъ мѣстѣ, когда покойный архипастырь былъ призванъ на епископскую каѳедру. Въ то время ему было уже тридцать пять лѣтъ и въ это время онъ уже умѣлъ совершить многое, умѣлъ уже выказать необыкновенные, не рядовые таланты.

Въ іюнѣ и іюлѣ 1818 года снова, по порученію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, онъ обозрѣвалъ Московскую Духовную Академію, по случаю окончанія перваго ея учебнаго курса, а также Семинаріи: Московскую, Виѳанскую, Тверскую, Новгородскую и нѣкоторыя уѣздныя и приходскія училища. 26 августа за свои труды онъ Всемилостивѣйше былъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени.

Въ этомъ періодѣ времени онъ принималъ особенно дѣятельное участіе въ устроеніи С.-Петербургской Духовной Академіи и совершилъ, съ своей стороны, всевозможное для доставленія духовному юношеству наилучшаго воспитанія.

Мы знаемъ, что заботы объ этомъ воспитаніи всегда составляли для него одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ. И никто лучше его не могъ знать въ чемъ за-

ключаются недостатки этого воспитанія, что потребно для этихъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія. Онъ самъ лично осматривалъ ихъ, онъ самъ наблюдалъ за преподаваніемъ, неоднократно посѣщая духовныя училища по порученію высшаго духовнаго начальства.

Кромѣ того, мы видимъ въ немъ неравнодушнаго исполнителя возлагаемыхъ на него обязанностей, но человѣка страстно преданнаго дѣлу духовнаго образованія, глубоко проникавшаго въ его духъ, глубоко понимавшаго потребности времени. Такая личность не могла не вліять на улучшенія въ томъ дѣлѣ, которое для нея составляли одну изъ важнѣйшихъ задачъ. И во всей его послѣдующей жизни мы видимъ ту же заботливость и тоже повсечастное стремленіе, къ улучшенію быта нашихъ духовныхъ училищъ.

Одно уже это обстоятельство, какъ заботы о воспитаніи духовенства, давало бы ему полное право на нашу признательность, ибо, призванное занимать такое высокое мѣсто въ общечеловѣческой жизни, имѣющее такое громадное значеніе въ жизни общественной, руководящее насъ въ истинахъ вѣры,—духовенство необходимо должно стоять во главѣ нашего народнаго образованія. Если въ религіяхъ языческихъ жреческая каста всегда представляла собою наиболѣе образованное сословіе, то тѣмъ болѣе оно должно быть таковымъ у насъ, въ религіи христіанской.

Если большинство апостоловъ и евангелистовъ были люди и простаго класса, то это не потому, чтобъ образованность была несовмѣстима съ ученіемъ Христа: апостолъ Павелъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ умамъ своего времени. Подобное обстоятельство скорѣе доказываетъ только то, что Спаситель міра, прозрѣвая Всевидящимъ окомъ Своимъ глубь сердецъ, избиралъ изъ нихъ тѣ, которыя уже были готовы для принятія Его Божественнаго откровенія. Для распространенія истинъ Его ученія не было необходимо витійственнаго дара; но иныя времена и иныя потребности.

Въ блистающій и прозрачно-свѣтлый потокъ ученія Христова вливаются мутные ручьи различныхъ лжеученій; они требуютъ бдительнаго надзора; намъ необходимо строгое слово увѣщанія и наставленія: намъ необходимо отдѣленіе плевелъ отъ пшеницы. Въ нашу жизнь вкрались многіе тайные и явные пороки — они подлежатъ обличенію; мы утратили чистоту вѣры первыхъ христіанъ — слѣдуетъ оную возстанавливать: и для этого необходимы истинно просвѣщенные пастыри, мудрые наставники, неустанные блюстители чистоты евангельскаго ученія. Все это было глубоко понимаемо митрополитомъ Филаретомъ, и потому-то онъ такъ неусыпно заботился о духовномъ образованіи.

Съ того времени, какъ онъ былъ возведенъ на епископскую каѳедру, мы видимъ, что Провидѣніе вело его

къ высокой будущности. Мы видимъ его постоянное и быстрое возвышеніе въ церковной іерархіи.

Не прошло еще двухъ лѣтъ со дня посвященія его во епископа, и именно 15 марта 1819 года онъ, по именному Высочайшему указу, былъ уже пожалованъ Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Святѣйшаго Синода. Но Тверская епархія со времени этого назначенія слишкомъ цѣлый годъ не имѣла счастія видѣть своего новаго Архипастыря, ибо по обязанности члена Святѣйшаго Синода онъ былъ оставленъ въ С.-Петербургѣ для занятія дѣлами Синомда. Впрочемъ высокопреосвященный, не предвидя возожности, тотчасъ по назначенію на Тверскую каѳедру, лично прибыть въ свою епархію, почтилъ ее грамотой или посланіемъ.

Въ это время высокспреосвященнѣйшій былъ уже извѣстенъ своими глубоко-богословскими духовными сочиненіями, уже было написано имъ его «Начертаніе церковно-библейской исторіи»; «Записки на книгу бытія», первый въ Россіи опытъ ученаго изъясненія священнаго писанія, а нѣсколько позже «Пространный катихизисъ», одобренный Святѣйшимъ Синодомъ и принятый въ руководство во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы уже говорили, что избраннымъ, любимымъ писателемъ покойнаго нашего Архипастыря былъ Григорій Богословъ, нѣкоторыя изъ стихотвореній котораго

онъ помнилъ до самыхъ позднихъ дней своей жизни. А потому, въ доказательство нашего положенія, на минуту прерывая теченіе нашего разсказа о жизни великаго свѣтильника православной церкви, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь переводъ *увѣщательной пѣсни* Григорія Богослова. Вотъ этотъ переводъ:

«Близокъ послѣдній трудъ жизни: плаванье злое кончаю,
«И уже вижу вдали казни горькаго зла:
«Тартаръ ярящійся, пламень огня, глубину вѣчной ночи,
«Скрытое нынѣ во тьмѣ, явное тамъ въ срамотѣ,
«Но Блаженнѣ, помилуй, и, хотя поздно, мнѣ даруй
«Жизни остатокъ моей добрый по волѣ твоей.
«Много страдалъ я, о, Боже Царю, и духъ мой страшится
«Тяжкихъ судныхъ вѣсовъ, не низвели бы меня.
«Жребій мой понесу на себѣ, переселяясь отсюда,
«Жертвой себя предая скорбямъ снѣдающимъ духъ.
«Вамъ же, грядущіе, вотъ завѣтное слово: нѣтъ пользы
«Жизнь земную любить. Жизнь разрѣшается въ прахъ.

Въ греческомъ подлинникѣ стихотвореніе написано тѣмъ же самомъ размѣромъ. Мы не станемъ распространяться здѣсь о художественной красотѣ перевода, ни о буквальной вѣрности подлиннику, но что ему не былъ чуждъ и талантъ поэтической—это доказывается извѣстнымъ, необыкновенно высокимъ по мысли, его стихотвореніемъ «Жизнь». Стихотвореніе это болѣе позднаго времени; оно было вызвано столь же извѣстнымъ того же названія стихотвореніемъ нашего великаго народна-

го поэта—Пушкина. Въ немъ, съ точки зрѣнія христіанской религіи, единственно вѣрной точки, разрѣшается полный глубочайшаго смысла вопросъ, что такое жизнь? Мучимый сомнѣніями, болѣющій духомъ, поэтъ говоритъ, что жизнь есть напрасный и случайрѣй даръ и спрашиваетъ зачѣмъ она дана ему. Вотъ какъ отвѣчаетъ ему, просвѣтленный духомъ, служитель церкви;

«Даръ случайный, даръ прекрасный,
«Жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана?
«Умъ молчитъ, но сердцу ясно:
«Жизнь для жизни мнѣ дана.
«Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
«Сотворивый міръ въ немъ скрытъ,
«Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
«Но Онъ въ разумѣ открытъ.
«Познавать его творенье,
«Видѣть духомъ, сердцемъ чтить,—
«Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
«Вотъ что значитъ въ Богѣ жить.»

Какъ глубоко потрясло поэта это величавое стихотвореніе—можно видѣть изъ того, что подъ вліяніемъ священнаго ужаса, онъ отвѣчалъ поэту пастырю однимъ изъ благоуханнѣйшихъ своихъ произведеній, со смиреніемъ сознавшись въ своемъ заблужденіи. Онъ говоритъ.

«Въ часы забавъ, иль праздной скуки,
«Бывало, лирѣ я моей

«Ввѣрялъ изнѣженные звуки,
«Безумства, лѣни и страстей.
«Но и тогда струны лукавой
«Невольно звонъ я прерывалъ,
«Когда твой голосъ величавый
«Меня внезапно поражалъ.
«Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
«И ранамъ совѣсти моей
«Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
«Отраденъ чистый былъ елей.
«И нынѣ съ высоты духовной
«Мнѣ руку простираешь ты
«И силой кроткой и любовной
«Смиряешь буйныя мечты.
«Твоимъ огнемъ душа палима
«Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
«И внемлетъ арфѣ Серафима
«Въ священномъ ужасѣ поэтъ».

Не останавливаясь здѣсь на разборѣ сочиненій митрополита Филарета, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ, возвратимся снова къ изложенію событій изъ его жизни.

Послѣ уже назначенія его архіепископомъ Тверскимъ въ томъ же 1819 году Высокопреосвященнѣйшему 25 іюня была объявлена Высочайшая благодарность за составленіе проекта поощрительнаго учрежденія при С. Петербургской Духовной Академіи.

Прошелъ уже слишкомъ годъ со дня этого назначенія

и только въ половинѣ мая мѣсяца архипастырь прибылъ въ епархію и пробылъ въ ея предѣлахъ сто дней; собственно же въ Твери только сорокъ. Въ это короткое время онъ посѣтилъ всѣ уѣздные города своей епархіи и всѣ монастыри, кромѣ Теребенской пустыни. Во время пребыванія въ самой Твери онъ почти ежедневно совершалъ священнослуженіе, ибо епархія, долгое время лишенная присутствія архіерея, имѣла нужду въ рукоположеніи священнослужителей и посвященіи церковнослужителей, которыхъ впродолженіи ста дней рукоположено и посвящено нѣсколько сотъ.

Но не долго суждено было Тверской каѳедрѣ украшаться симъ великимъ архипастыремъ. Въ томъ же 1820 году, 26 сентебря, онъ по именному Высочайшему повелѣнію на докладѣ Святѣйшаго Синода, утвержденъ Архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ.

Наконецъ уже въ слѣдующемъ 1821 году, 3 іюля, по Высочайшему указу, на докладѣ Святѣйшаго Синода, пожалованъ архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандритомъ.

И вотъ, настало наконецъ время, когда Москва приняла въ свои древнія стѣны того, кто съ сего времени и до самаго конца своей жизни, въ теченіи сорока шести лѣтъ былъ ея гордостью, ея славою, ея украшеніемъ. Сорокъ шесть лѣтъ великой жизни были

посвящены имъ Московской паствѣ. Сорокъ шесть лѣтъ она привыкла видѣть слабаго тѣломъ, но могущественнаго духомъ проповѣдника истины. Сорокъ шесть лѣтъ она внимательно прислушивалась къ его тихому слову, несмѣтными толпами стекаясь всюду, гдѣ надѣялась услышать это тихое, но проникавшее до самаго сордца слово. Сорокъ шесть лѣтъ! Сколько въ это время совершилось великихъ перемѣнъ въ нашемъ отечествѣ! Мы переживаемъ третье царствованіе.. А онъ,—доблестнѣйшій ихъ представитель,—оставилъ насъ на вѣки! Да, едва-ли можно назвать другое имя за это время, которое соединяло бы въ себѣ столько великихъ силъ, было бы такъ народнымъ.

Но возвратимся назадъ.

Поступивъ на Московскую каѳедру, ставъ преемникомъ Святителя Сергія, Архипастырь, согласно своему прошенію, 28 октября 1822 года Высочайшимъ рескриптомъ уволенъ отъ присутствованія въ Главномъ Правленіи Училищъ. Какъ бы силенъ ни былъ его духъ, но тѣлесныя силы его всегда были слабы и изнемогали подъ бременемъ многочисленныхъ занятій, тѣмъ болѣе, что обязанность архипастыря, какъ сказали мы выше, онъ всегда считалъ подвигомъ.

2 іюня 1823 года Высочайшимъ же рескриптомъ за ревностное служеніе церкви и содѣйствіе духовному просвѣщенію, какъ при прохожденіи пастырскаго поприща

въ разныхъ епархіяхъ, такъ равно и по званію члена Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, и за начертаніе по духу православной Восточной церкви и въ разумѣ Евангельской истины Катихизиса, одобреннаго Святѣйшимъ Синодомъ, сопричисленъ къ ордену Св. Александра Невскаго.

И вотъ настало 25 декабря 1825 года!... Не мѣсто здѣсь распространяться о тѣхъ печальныхъ событіяхъ, которыми ознаменовано было это время. Гибельное увлеченіе идеями французской революціи было причиною самыхъ безумныхъ намѣреній кучки людей, дерзнувшихъ мечтать о противозаконномъ переворотѣ. Это безумное намѣреніе не удалось, ибо русскій народъ, всегда глубоко преданный своимъ Вѣнценосцамъ, встрѣтилъ его негодованіемъ.

Между тѣмъ существовало, какъ извѣстно, нѣкоторое время недоумѣніе о томъ, кто наслѣдуетъ престолъ Всероссійскій. Но покойнымъ императоромъ Александромъ I былъ порученъ Московскому архипастырю актъ, назначавшій преемникомъ Николая Павловича. Вслѣдствіе представленія его Императорскому Величеству описанія открытія этого акта, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ, при возшествіи его на прародительской престолъ, пожалованъ былъ усопшему нынѣ святителю бриллiантовый крестъ для ношенія на клобукѣ.

Въ этомъ обстоятельствѣ мы не можемъ не видѣть

какимъ глубокимъ довѣріемъ пользовался митрополитъ Филаретъ у Александра Благословеннаго. Такая важная тайна могла быть поручена только лицу близко стоящему къ престолу,—лицу, уже оказавшему свою преданность отечеству. На самомъ дѣлѣ, не только утрата, но и малѣйшее замедленіе въ открытіи подобнаго рода документа могло повести къ затрудненіямъ, тѣмъ болѣе важнымъ въ такое время, когда этимъ замедленіемъ могла воспользоваться шайка бунтовщиковъ, для произведенія значительныхъ безпорядковъ, руководимая корыстными и безумными цѣлями. Ясно, что исполненіе порученія такой великой важности могло быть возложено только на лицо, на которое можно было твердо положиться. Такимъ лицомъ явился Филаретъ.

Какъ и чѣмъ онъ заслужилъ это довѣріе? Онъ не былъ царедворцемъ, не обладалъ знатнымъ и громкимъ именемъ, не считалъ въ числѣ своихъ предковъ людей государственныхъ,—фамилія Дроздовыхъ не восходила за сотни лѣтъ. Нѣтъ, это довѣріе было пріобрѣтено имъ своими личными качествами, своими личными заслугами, своею жизнію,—умомъ и преданностію дѣлу вѣры.

Еще ранѣе вниманіе въ Бозѣ почившаго Императора Александра Павловича было остановлено на немъ, сначала какъ на даровитомъ наставникѣ, какъ на ревностномъ исполнителѣ возложенныхъ на него порученій, потомъ—какъ на всеобъемлющемъ, умѣ, какъ на государст-

венномъ дѣятелѣ по части устроенія духовныхъ училищъ, по вопросамъ о духовномъ образованіи и новомъ законоположеніи о правахъ духовенства въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Итакъ, это царское довѣріе было возбуждено имъ самимъ, безъ посредства какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ. Вотъ почему такъ обильно изливались на него царскія щедроты. Онѣ были воздаяніемъ, были мѣриломъ его заслугъ и трудовъ, понесенныхъ имъ во время своего священноначальствованія.

И наконецъ 22 августа 1826 года, въ годъ коронаціи Государя Императора Николая Павловича, и за нѣсколько дней до оной, за всѣ заслуги его, оказанныя православной церкви, и за отличное всегда служеніе, архіепископъ возведенъ въ санъ митрополита Московскаго, причемъ Всемилостивѣйше пожалованъ бѣлымъ клобукомъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Это была высшая награда, возможная для служителя церкви: онъ вступилъ на высшую степень духовной іерархіи, хотя и въ послѣдствіи монаршія щедроты не переставали на него изливаться.

Продолжимъ наше жизнеописаніе.

7 января 1828 года, по напечатаніи, съ Высочайшаго соизволенія, составленныхъ Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкой краткой священной исторіи, также краткаго и пространнаго катихизисовъ, съ прибавлені-

емъ наставленій для воиновъ, и представленныхъ Его Величеству, была объявлена ему Высочайшая благодарность. А 19 апрѣля 1831 года за ревностное и многодѣятельное служеніе въ архипастырскомъ санѣ, истинно полезное для церкви и государства, Всемилостивѣйше сопричисленъ онъ къ ордену св. ап. Андрея Первозваннаго.

Затѣмъ 9 декабря 1832 года, въ благодарность за труды въ сочиненіи книги «Сказаніе о обрѣтеніи мощей, иже во Святыхъ отца нашего Митрофана 1 епископа Воронежскаго и о благодатныхъ при томъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ», по указу Святѣйшаго Синода, выдано Его Высокопреосвященству 100 экземпляровъ сей книги.

Далѣе 30 апрѣля 1834 года объявлена ему благодарность Святѣйшаго Синода за пожертвованіе митры древняго устроенія изъ каѳедральняго Чудова монастыря въ пользу Екатеринбургской архіерейской ризницы.

Въ этомъ періодѣ его жизни мы какъ будто не замѣчаемъ его трудовъ; они совершаются въ тиши; онъ всего себя посвятилъ устроенію своей паствы. Не видны, не замѣтны эти труды, но они тѣмъ не менѣе дѣйствительны, повсюду чувствуется его присутствіе: украшаются благолѣпіемъ храмы Божіи, устраиваются для сиротствующихъ дѣтей духовныхъ лицъ дома призрѣнія и воспитанія, на собственныя его средства, улуч-

шается внѣшній бытъ духовенства, даются пособія трудящимся въ евангельской проповѣди среди отдаленныхъ языческихъ племенъ. Таковы эти невидныя, незамѣтныя заботы о судьбахъ церкви православной. Не можемъ ли мы сказать, что эти незамѣтные труды и заботы во много разъ выше всѣхъ видимыхъ и знаемыхъ подвиговъ, такъ широковѣщательно выставляющихъ себя на народное позорище? Не выше ли и не лучше ли этотъ смиренный подвигъ всѣхъ гордо самовыхваляющихся подвиговъ? Не заключается ли въ самой этой незнаемости, въ самомъ этомъ смиреніи—высокаго подвига благочестія? Но всѣ наши разсужденія и объясненія будутъ безсильны выразить то, что выражаютъ его дѣла, а потому мы снова принимаемся за наше повѣствованіе.

26 марта 1839 года, за долговременное служеніе церкви и отечеству, ознаменованное разнообразными и многотрудными занятіями ко благу церкви въ званіи члена Святѣйшаго Синода, и за постоянное трудолюбіе по разнымъ частямъ высшаго духовнаго управленія, сопричисленъ онъ къ ордену св. Владиміра 1 степени большаго креста.

21 сентября 1842 года ему объявлена признательность Святѣйшаго Синода за пожертвованіе отъ каѳедральнаго Чудова монастыря преосвященному Іосифу архіепископу Литовскому саккоса и амофора золотой парчи и другихъ драгоцѣнныхъ ризничныхъ вещей.

Въ этихъ пожертвованіяхъ, приносимыхъ имъ въ даръ различнымъ церквамъ русскимъ, мы видимъ опять-таки постоянную заботливость его о благолѣпномъ украшеніи храмовъ Божіихъ. Это не суетность, но смиренное приношеніе церкви православной ея благочестиваго пастыря. Это лепта вдовицы, даръ отъ чистаго сердца— единственный даръ угодный Богу... И мы видимъ, что эти пожертвованія не остаются безъ возмездія. Не о возмездіи думаетъ онъ, когда приноситъ даръ свой на украшеніе церкви, но дающему доброе добромъ воздается.

Проходятъ годы... Неслышно и незамѣтно, но безъостановочно движется время по неизмѣнному закону Предвѣчнаго. Оно идетъ, грозное и безмолвное, все разрушая на пути своемъ, оставляя позади себя однѣ развалины. Одинъ только свѣтъ истины сіяетъ все ярче и ярче, все дальше и дальше распространяются лучи этой вѣчной истины. О повсемѣстномъ распространеніи этихъ блистающихъ лучей особенно сильно заботился митрополитъ Филаретъ, и мы знаемъ, что страны чужеземныя, страны иновѣрческія обращались къ нему съ вопросами о истинахъ православія. Мы знаемъ, что многіе стремились къ соединенію съ православною восточною церковію, и быть-можетъ соединеніе это когда-нибудь совершится, быть-можетъ оно уже близко, ибо оно должно совершиться, ибо истина одна

для всѣхъ. Но если совершится оно, то заслуги нашего архипастыря явятся еще въ большемъ блескѣ, ибо онъ не мало потрудился для этого соединенія. Это его неотъемлемая заслуга.

Чему суждено совершиться, то будетъ.

Проходя дальнѣйшее свое архипастырское служеніе, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ 3 апрѣля 1849 года, за неусыпныя попеченія о ввѣренной ему епархіи, при многолѣтней опытности и назидательномъ проповѣданіи слова Божія, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазными знаками ордена св. Ап. Андрея Первозваннаго; а 22 августа 1851 года за долговременное служеніе церкви и отечеству, украшенное непрерывными подвигами благочестивой ревности объ утвержденіи св. православной вѣры въ нѣдрахъ отечественной церкви и по случаю исполнившагося тридцатилѣтія архипастырской дѣятельности его на Московской каѳедрѣ и двадцатипятилѣтія въ санѣ митрополита, пожалованъ осыпанною алмазами панагіей.

Въ то же время, по случаю принесенія московскимъ духовенствомъ въ Успенскій соборъ золотой дарохранительницы, въ воспоминаніе протекшаго двадцатипятилѣтія со времени вѣнчанія и священнаго помазанія Государя Императора Николая I на царство, Высочайшимъ рескриптомъ, объявлена архипастырю признательность за высокое служеніе церкви и отечеству.

Началась достопамятная въ отечественной исторіи война Севастопольская. Война эта, начатая со стороны Россіи за святое дѣло освобожденія изъ-подъ гнета турецкаго владычества христіанскихъ подданныхъ оттоманскаго правительства, вызвала противодѣйствіе со стороны западныхъ державъ: Англія, Франція, Италія и Турція заключили между собою союзъ; Австрія приняла также угрожающее положеніе. Такимъ образомъ Россіи снова приходилось бороться почти со всѣми силами Европы. Борьба была неравная. Для успѣшнаго веденія этой борьбы, со стороны Россіи требовалось усиленное напряженіе всѣхъ ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ; требовались частныя пожертвованія. И покойный архипастырь нашъ, какъ и всегда, во всякомъ дѣлѣ, первый подалъ примѣръ преданности къ отечеству. Имъ были принесены отъ Троицко-Сергіевой Лавры, каѳедральнаго Чудова монастыря и приписаннаго къ нему монастыря Николо-Перервинскаго 50,000 руб. сер. для употребленія на потребности православныхъ воиновъ и войны. За это вѣрноподданническое приношеніе 10 января 1854 года была объявлена ему Высочайшая благодарность.

Заботясь объ отечественныхъ нуждахъ, возникшихъ вслѣдствіе войны, онъ въ то же время не оставлялъ безъ вниманія и дѣла своей духовной паствы. Въ томъ же 1854 году 7 ноября за труды его, понесенные въ

дѣлѣ обращенія рогожскихъ раскольниковъ къ св. церкви и истинно пастырское распоряженіе въ семъ дѣлѣ, объявлена ему признательность и благодарность Святѣйшаго Сѵнода.

Между тѣмъ начавшаяся Синопскимъ сраженіемъ война продолжалась въ стѣнахъ Севастополя, на берегахъ Бѣлаго и Балтійскаго морей, на берегахъ Дуная и въ Азіятской Турціи. Потребовались новыя жертвы отечеству, и опять высокопреосвященный митрополитъ Московскій является первымъ двигателемъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. 18 марта 1855 года за пожертвованіе на военныя надобности отъ обителей Московской епархіи и церквей Москвы 110,600 р. сер., Высочайшимъ рескриптомъ изъявлено ему совершенное благоволеніе Его Императорскаго Величества.

Такъ, то заботящійся объ обращеніи раскольниковъ въ лоно церкви православной, то подающій собою примѣръ неуклоннаго служенія родинѣ,—онъ повсюду является хранителемъ отечественной славы, истиннымъ гражданиномъ и истиннымъ пастыремъ церкви.

Прошло тридцать лѣтъ съ того дня, когда онъ въ соборѣ Успенскомъ помазалъ на царство покойнаго родителя нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и вотъ, 26 августа 1856 года, онъ снова удостоился совершить чинъ Священнаго Коронованія Государя Императора Александра Николаевича, причемъ

получилъ въ даръ посохъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Сколько знаменательнаго въ этомъ событіи! Не является ли онъ здѣсь какъ бы связующимъ звѣномъ двухъ царствованій? Да, тутъ есть о чемъ призадуматься!

Теперь мы переходимъ къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ его жизни (если только въ этой величавой жизни можетъ быть что-либо незамѣчательнымъ), — къ его пятидесятилѣтнему юбилею, праздновавшемуся 5 августа сего 1867 года.

Пятое августа—какъ недавно! Какъ близокъ еще къ намъ этотъ приснопамятный день! Этотъ день былъ днемъ истиннаго торжества для всей Россіи. И не только въ Россіи, но и на далекомъ Востокѣ радостно былъ онъ привѣтствуемъ. И вотъ, въ той самой трапезѣ Троицкой Лавры, гдѣ такъ еще недавно цѣлый сонмъ высокихъ посѣтителей свѣтло ликовалъ день пятидесятилѣтія его служенія и пѣлось ему многолѣтіе,—тамъ теперь только-что смолкла вѣчная память!

Ничто лучше не уяснитъ значеніе этого торжественнаго ликованія, какъ тѣ привѣтствія, которыя присылались ему отовсюду, а потому мы цѣликомъ помѣстимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ. Рескриптъ же Государя Императора, прочтенный оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, гр. Д. А. Толстымъ, помѣщенъ нами выше.

Привѣтствіе Святѣйшаго Синода. Присутствующій въ Синодѣ, протоіерій І. В. Рождественскій, прочелъ слѣдующую грамату Святѣйшаго Синода.

«Святѣйшій Правительствующій Синодъ синодальному члену преосвященному Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандриту.

«Святѣйшій Синодъ, братолюбно привѣтствуя старѣйшаго члена своего съ окончаніемъ пятидесятилѣтія архипастырскаго служенія, возноситъ усердное благодареніе верховному Пастыре-начальнику, явившему великое знаменіе благопромышленія о Святой Церкви въ долготѣ дней служенія вашего, въ широтѣ поприща многоплодной дѣятельности, въ высотѣ подвиговъ вѣры и любви христіанской и въ глубинѣ мудрости Богопросвященной; вмѣстѣ съ тѣмъ молитъ Подателя жизни и свѣта, да приложитъ вамъ дни на дни, чтобы на свѣщникѣ церкви и отечества нашего долго еще пребывалъ *свѣтильникъ горяй и свѣтяй*.

На подлинномъ подписали: *Исидоръ митрополитъ Новгородскій* и *С.-Петербургскій, Филоѳей архіепископъ Тверскій и Кашинскій, Василій архіепископъ, членъ Св. Синода. Протопресвитеръ Василій Бажановъ, Протоіерей Іоаннъ Рождественскій.*

С.-Петербургъ, 30-го іюля 1867 г.

Потомъ принесли поздравленіе преосвященные, изъ которыхъ одни прибыли на торжество по приглашенію Святѣйшаго Синода: Владимірскій, Нижегородскій, Рязанскій, Тульскій, Калужскій и Тверскій, другіе съ разрѣшенія Синода: Ярославскій, Полоцкій и съ разрѣшенія Херсонскаго архіепископа Димитрія викарій его, епископъ Новоміргородскій. Вслѣдъ за симъ, преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, отъ лица Московской паствы привѣтствовалъ Митрополита слѣдующимъ словомъ:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

«Въ этомъ благоизобранномъ сонмѣ много сыновъ церкви Московской, готовыхъ лично Тебя привѣтствовать, но съ ними здѣсь, не лицемъ, а мыслію и сердцемъ, и вся Твоя Богоспасаемая паства.

«Твоему отеческому сердцу вѣдомо, что паства Твоя всегда съ Тобою духомъ.

«Она съ Тобою связана умилительнымъ воспоминаніемъ, что и рожденіемъ и воспитаніемъ, и началомъ Твоего церковнаго служенія, Ты ей принадлежишь.

«Она съ Тобою, она Твоя—по живому чувству духовнаго единства съ Тобою, пастыремъ ея—се, уже четыредесять шесть лѣтъ.

«Она съ Тобою, когда очами любви почтительной и

преданности искренней слѣдуетъ она за Тобою по столь достойно-проходимому Тобою поприщу: молишься ли Ты и приносишь безкровную жертву о ней въ нашихъ древнихъ храмахъ, поучаешь ли ее Твоимъ глубокимъ словомъ, трудишься ли для ея внутренняго и внѣшняго благоустроенія, священное ли помазаніе Великаго Царя на царство совершаешь въ златоблещущемъ соборѣ Успенія, или среди дремучаго лѣса водворяешь пустынножителей; бесѣдуешь ли о истинѣ вселенской церкви съ пришедшими изъ-за дальнихъ морей искателями истины, или вразумляешь и въ лоно церкви возвращаешь отступившихъ отъ православія братій; принимаешь ли высокія почести или проходишь подвигъ терпѣнія, скорбей и озлобленій; удивляешь ли мягкимъ и мудрымъ благоснисхожденіемъ къ уклоняющимся отъ стези правды, или являешь непреклонность въ охраненіи истины Христовой, спокойную готовность пострадать за нее до конца!

«Для внимательнаго взора очевидно общее въ паствѣ Твоей сочувствіе къ Твоимъ заботамъ и скорбямъ, къ твоимъ успѣхамъ и радостямъ.

«Нынѣ въ сей день торжества, въ церкви столь необычайнаго, Твоя преданная паства всецѣло съ тобою въ духѣ молитвы.

«И въ градѣ Твоего святительскаго пребыванія, и въ градѣ твоего рожденія, во всѣхъ святыхъ обителяхъ, городахъ и весяхъ Твоей епархіи принесено торжествен-

ное благодареніе Богу за все, что церкви Московской Всероссійской, Вселенской, Богомъ даровано въ Тебѣ въ прошедшемъ, и моленіе, да продолжится надолго, озможно надолго, Твое земное жительство, въ возможно-лучшемъ здравіи, въ настоящей свѣжести душевнхъ силъ Твоихъ, въ крѣпости Твоего духа, въ мирѣ, благоденствіи и въ утѣшеніи плодами многоразличнкъ трудовъ Твоихъ, особенно плодами являемыми въ жи Твоихъ пасомыхъ, которые, говоря словами Твоег великаго предшественника святителя Филиппа, суть дл пастыря и отвѣтъ предъ Богомъ и вѣнецъ отъ Госпа.»

 симъ привѣтствовали митрополита старшіе члены духенства столицы и депутаты отъ духовенства прочих городовъ епархіи и вообще отъ епархіальнаго духовства представлено привѣтственное письмо съ 937 подсями, въ заключеніе котораго сказано слѣдующее:

«ъ чувствахъ благодаренія Господу, признательности Тебѣ,—достойному преемнику великихъ Московски святителей,—и въ память настоящаго дня мы прос Тебя, милостивѣйшій архипастырь, благословить наш желаніе—поставить въ Московскомъ каѳедральномъ собо и соборахъ другихъ городовъ Твоей паствы иконы св. Ѳарета Милостиваго и въ устроенномъ Тобою училищѣ, я бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, на все время его цествованія обезпечить содержаніе семи дѣвицъ.»

Не исчисляя привѣтствій отъ множества другихъ лицъ и учрежденій духовныхъ и свѣтскихъ, приведемъ поздравительные адресы

отъ московской синодальной типографіи.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь!

«Въ сонмѣ благодарно-вспоминающихъ пятидесятлѣтіе Твоего Архипастырства предстаетъ Тебѣ Московская Святѣйшаго Синода типографія. Она воспомиетъ о Твоихъ твореніяхъ, высшимъ священноначаліем въ разныя времена ей преданныхъ, и исчисляетъ, чтотъ нея одной и однихъ сихъ твореній востребованобыло православною русской паствой болѣе трехъ сотъ.ести десяти изданій и чрезъ сіи изданія болѣе двухъ иліоновъ двухъ сотъ тысячъ книгъ.

Бываютъ числа краснорѣчивѣе словъ.

«Въ день знаменательный счисленіемъ лѣтъ воего Святительства пріими и сіе счисленіе въ удосвѣрительное знаменіе, что не вотще даровано бы Тебѣ пройдти толико долгое поприще служенія. Намвсему собору православныхъ, воспоминаніе о толикотно и толикочисленно засвидѣтельствованной потребн'и въ Твоемъ ученіи послужитъ новымъ побужденіемъ литься о Тебѣ, право-правящемъ слово истины, , дару-

етъ Тебя Господь святымъ Божіимъ церквамъ еще и еще цѣла, честна, здрава, долгоденствующа.

ОТЪ ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЪ ГОРОДА МОСКВЫ.

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

«Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ Ты, уже знаменитый заслугами Церкви Архимандритъ, восприялъ святительскій санъ и эти полвѣка наполнилъ Ты новыми великими и многочисленными заслугами Церкви, Престолу и отечественному просвѣщенію.

«Твои великія заслуги пріобрѣли Тебѣ уваженіе Царей и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества.

«Мы съ благоговѣйнымъ удивленіемъ и признательностью къ Тебѣ вспоминаемъ пройденное Тобою великое поприще и усердно благодаримъ Бога, даровавшаго Тебѣ силы совершить столь много для Церкви и Отечества и укрѣпляющаго Тебя Своею благодатью. Со всѣхъ концевъ Россіи нынѣ стекаются къ Тебѣ изъявленія этихъ чувствованій и отголоски усердныхъ молитвъ, возбужденныхъ ими. Особенно же преисполнена ими Твоя Московская паства, на которую почти все полустолѣтіе ближайшимъ образомъ обращена Твоя святительская дѣятельность, и которая по силѣ духовнаго союза съ Тобою по преимуществу именуетъ и чтитъ Тебя Отцомъ своимъ.

«Великій Святитель и Отецъ нашъ! Между разнообразными подвигами Твоего Святительскаго служенія, Ты преимущественное попеченіе всегда имѣлъ о нуждахъ ввѣреннаго Тебѣ многочисленнаго духовенства. Ты положилъ начало и особымъ благотворительнымъ учрежденіямъ для сей цѣли, которыя постоянно направлялъ своимъ непосредственнымъ участіемъ. Въ послѣднее время нужды духовенства возрастаютъ въ такомъ числѣ, что обнять ихъ средствами сихъ учрежденій едва ли предстаяется возможность, и мы осмѣливаемся думать, что будущность, его возбуждаетъ въ душѣ Твоей тѣмъ большую заботу, чѣмъ яснѣе Ты видишь далекое несоотвѣтствіе между количествомъ средствъ и нуждъ.

Нѣсколько гражданъ изъ Твоей паствы, призванные служить церквамъ Божіимъ и потому ближе знакомые съ положеніемъ духовенства, возымѣли мысль ознаменовать настоящій благословенный для православной церкви день такимъ дѣйствіемъ, которое бы свидѣтельствовало предъ Тобою, сколь близко Твоя паства принимаетъ къ сердцу Твои святительскія заботы. Наилучшимъ для сей цѣли дѣйствіемъ признано было составленіе, посредствомъ добровольной подписки, капитала, который бы послужилъ основаніемъ эмеритальной кассы для пенсій духовенству Московской епархіи, на условіяхъ, которыя мы почтительнѣйше просимъ дозволить

намъ представить на Твое архипастырское благоусмотрѣніе. Приступая къ исполненію сей мысли, мы не сомнѣвались, что доброе начинаніе будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ, и теперь имѣемъ утѣшеніе засвидѣтельствовать, что увѣренность наша оправдалась: въ настоящее время добровольныя приношенія достигли количества двадцати пяти тысячъ пятисотъ рублей—суммы, которая представляетъ благонадежное основаніе для предположеннаго дѣла.

«Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь нашъ!

«Среди безчисленныхъ изъявленій искреннѣйшей признательности къ Твоимъ заслугамъ, дозволь и намъ отъ лица Твоей паствы приблизиться къ Тебѣ съ сею жертвою.

«Для участниковъ сего приношенія нѣтъ большаго утѣшенія, какъ если Ты возвѣстишь имъ, что съ благоволеніемъ принимаешь начинаніе, предпринятое во славу Божію, на пользу церкви. Благослови его Твоимъ святымъ благословеніемъ, въ силу котораго вѣруетъ Твоя паства: пусть оно, переходя изъ рода въ родъ и непрерывно возрастая въ силѣ, въ сопровожденіи Твоего имени и Твоего благословенія, покоитъ служителей церкви подъ сѣнью своею, и да хранится въ немъ на вѣки память Твоего Святительства.

Рѣшеніе ознаменовать благотвореніями сіе торжество

выражено и въ нѣкоторыхъ другихъ адресахъ. Такъ Московское купеческое сословіе положило ежегодно препровождать на распоряженіе Его Высокопреосвященства по пяти сотъ рублей для раздачи пяти бѣднѣйшимъ студентамъ Моск. Дух. Академіи. Моск. мѣщанское общество положило отпускать изъ общественныхъ суммъ на вѣчное время ежегодно по сту рублей сер. на содержаніе въ богадѣльнѣ бѣднѣйшихъ лицъ дух. званія. Прихожане Моск. единовѣрческой Троицкой церкви положили на проценты съ 5,000 р., заимствованныхъ изъ суммъ отъ состоящей при сей церкви типографіи, содержать трехъ бѣдныхъ, но достойныхъ воспитанниковъ Московской семинаріи, съ наименованіемъ ихъ: «стипендіаты Филаретовы», и представили также Его Высокопреосвященству 3,000 р., взятые также изъ типографскихъ суммъ, на содержаніе процентами двухъ сиротъ дѣвицъ дух. званія въ «Домѣ воспитанія дѣвицъ сиротъ духовнаго званія»,—съ наименованіемъ воспитанницъ «Филаретовыми».

Грамота блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго Кирилла къ высокопреосвященному митрополиту Филарету.

Кириллъ, Божіею милостію патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины.

Высокопреосвященнѣйшій и досточтимѣйшій, святый митрополитъ Московскій, во Христѣ Богѣ возлюбленнѣйшій и вожделѣнный братъ и служитель нашей мѣрности, кѵръ Филаретъ! Ваше досточтимое Высокопреосвященство братски о Господѣ обнимая, святымъ лобзаніемъ отъ всей души лобызаемъ и сладчайше привѣтствуемъ.

Славное и знаменитое событіе доставляетъ намъ сегодня всерадостный случай взяться за перо и братски писать къ вашему досточтимому и высокоуважаемому высокопреосвященству. Такимъ случаемъ представляется намъ всенародное торжество, которое нынѣ по милости Божіей великолѣпно совершаетъ ваша братская и вожделѣнная для насъ глава. Поистинѣ подобно свѣтиламъ всегда блистаютъ на тверди церковной великіе и богоподобные мужи, которые великими евангельскими добродѣтелями и полезными для всего міра твореніями заслуживаютъ имя общихъ благодѣтелей человѣчества. По справедливости величается нынѣ отъ одного конца вселенной до другаго Богоблаженное имя вашего высокопреосвященства. Ибо кто другой въ настоящемъ вѣкѣ отличался такою мудростію и добродѣтелію и принесъ столько пользы и научилъ міръ, сколько ваша братская глава, служившая органомъ православія для всей церкви? Посему достойно радуется и хвалится тобою, равноапостольнымъ своимъ іерархомъ, славное и

благочестивое твое отечество, во Христѣ возлюбленнѣйшій и досточтимѣйшій братъ нашъ!

Благочестивѣйшій и державнѣйшій Монархъ вашъ, равно радуясь и веселясь, вмѣстѣ со многочисленными своими подданными, чтитъ въ тебѣ общаго по духу отца и благодѣтеля, приказавъ во всемъ Богохранимомъ своемъ царствѣ совершить сіе великое и славное торжество пятидесятилѣтія твоего архіерейства, какъ недавно извѣстила насъ быстролетная молва.

И вотъ сегодня наступило это великое и народу любезное торжество. И весь благочестивый и боголюбивый народъ преклоняетъ предъ Господомъ колѣна и отъ всей души приноситъ молитву и горячую благодарность за многоцѣнную жизнь великаго своего іерарха. Въ семъ достопамятномъ событіи какъ могла остаться безучастною святѣйшая матерь всѣхъ церквей? И она радуясь, какъ сестра, мысленно предстоитъ въ лицѣ нашемъ среди священнаго и божественнаго ликостоянія православной Россійской церкви и, созерцая общее торжество, приноситъ свои сердечныя поздравленія вашей досточтимой и высокоуважаемой главѣ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воздавая вамъ сердечное братское лобзаніе и съ любовію разсматривая Богодарованныя вамъ блага, желаемъ вашей Богоблаженной главѣ нетлѣннаго огражденія и благодати отъ всесвятаго и живопріемнаго Гроба, прося вамъ у Бога Маѳусаиловыхъ благополучнѣй-

шихъ лѣтъ для общей пользы церкви Христовой и всего міра. Не менѣе того призываемъ на васъ и каждодневное умноженіе высокой царской милости, и наконецъ молимъ, да удостоитъ васъ Господь и небеснаго своего царствія. Да будетъ! Сіе и многое другое привѣтственно желая вашей братской главѣ, присовокупляемъ, что, совершивъ нынѣ съ находящимся здѣсь высокопреподобнымъ архимандритомъ Антониномъ свѣтолѣпное служеніе на всесвятой и страшной Голгоѳѣ, мы помолились о вашей вожделѣнной для насъ досточтимости распятому на сей горѣ ради нашего спасенія Господу нашему, помянувъ вмѣстѣ и Богоблаженное ваше имя. Такимъ образомъ и во святомъ градѣ было великое веселіе и радость о свѣтломъ и славномъ сегодняшнемъ праздникѣ вашей братской главы, которую съ сердечною любовію лобызая, оканчиваемъ слово, испрашивая вамъ свыше, чтобы всесвященныя лѣта ваши были какъ можно продолжительны и благополучны.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ, 1867 г., августа 5-го дня.

Вашего досточтимаго высокопреосвященства во Христѣ возлюбленный братъ и всецѣло преданный

Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ.

Привѣтственное письмо высокопреосвященнѣйшему Филарету отъ Московскаго епархіальнаго духовенства.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь!

Духовенству твоей паствы извѣстно, что твое смиренномудріе смущается торжественными выраженіями уваженія и признательности, къ которымъ расположилъ настоящій день, начинающій второе пятидесятилѣтіе твоего служенія въ архіерейскомъ санѣ. По долгу послушанія намъ надлежало бы, согласно съ твоимъ желаніемъ, почтить этотъ день только общею, усердною молитвою о тебѣ. Но когда и вся твоя паства, и вся отечественная церковь радостно привѣтствуютъ тебя и выражаютъ тебѣ чувства любви и уваженія, не можемъ оставаться безмолвными мы одни. Мы не желаемъ своимъ молчаніемъ подать поводъ къ мысли, что одни мы, ближайшіе свидѣтели твоей жизни и дѣятельности, не понимаемъ тебя, не чтимъ тебя по достоинству и не умѣемъ любить тебя въ мѣру твоихъ заслугъ и дѣяній.

Мы почитаемъ особенною милостію Божіею и особеннымъ счастіемъ для Московской паствы и ея духовенства, что почти во всѣ прошедшія пятьдесятъ лѣтъ твоего святительства ты былъ нашимъ архипастыремъ

и предстоятелемъ. Не намъ исчислять твои труды и заслуги по участію въ управленіи Всероссійскою церковію, по вліянію на ея архипастырей силою примѣра и совѣта, по отношеніямъ къ православнымъ церквамъ востока, по распространенію христіанства въ племенахъ языческихъ, живущихъ въ предѣлахъ нашего отечества и, наконецъ, по дѣламъ государственнымъ, когда державною волею ты былъ призываемъ на служеніе благу отечества. Во всемъ этомъ отдадутъ тебѣ справедливость тѣ, кого эти труды твои ближе касались и кому больше извѣстны.

Собственно для насъ во все прошедшее время твоего святительства ты былъ пастыремъ, учителемъ и правителемъ, поистинѣ напоминающимъ собою древнихъ великихъ пастырей и учителей церкви самыхъ цвѣтущихъ временъ христіанства. Всѣ стремленія и помышленія твои были посвящены дѣлу твоего высокаго служенія. Вся твоя жизнь была трудомъ непрестаннымъ; твой отдыхъ состоялъ въ перемѣнѣ одного труда на другой; лучшее утѣшеніе твое было въ успѣхѣ твоихъ трудовъ для блага церкви.

Ты всегда бодро стоялъ на стражѣ православія и иновѣрцамъ отдаленныхъ странъ сдѣлалъ имя свое извѣстнымъ, какъ имя прозорливаго и мужественнаго защитника православія, и отъ домашнихъ противниковъ церкви пріобрѣлъ себѣ уваженіе, пролагающее имъ путь

къ возвращенію въ лоно церкви. Ты бдительно слѣдилъ за движеніями вѣка и, осторожно усвояя на пользу общую все разумное и достойное уваженія, заботливо охранялъ чадъ своихъ отъ вредныхъ крайностей направленія времени.

Твои глубокомысленныя творенія, подобно писаніямъ отцевъ древнихъ, всегда служили для насъ, какъ и будутъ служить всей нашей отечественной церкви, руководствомъ къ уразумѣнію и изъясненію слова Божія, къ ясному пониманію и точному изложенію догматовъ вѣры и христіанскихъ обязанностей; а высокій примѣръ твоей жизни и твой строгій взглядъ на наши обязанности были намъ охраною отъ нравственнаго разслабленія.

Соединяя въ лицѣ своемъ строгаго инока и мудраго пастыря, ты равно былъ отцомъ и руководителемъ и для иноковъ и для священнослужителей, какъ иночествующихъ, такъ и трудящихся среди міра. Для всѣхъ насъ всегда открытъ былъ къ тебѣ доступъ, никто, имѣвшій нужду въ совѣтѣ и руководствѣ, не отходилъ отъ тебя съ неразрѣшеннымъ недоумѣніемъ, безъ опытнаго и яснаго наставленія. Глубокимъ благоговѣніемъ и собранностію духа въ богослуженіи ты всѣхъ насъ поучалъ благоговѣйному предстоянію престолу Божію. Мудрыми правилами и распоряженіями ты ввелъ строгій порядокъ во внутреннюю жизнь иноческихъ обите-

лей; твоею попечительностію о внѣшнемъ благосостояніи иночества многія обители въ твоей паствѣ, клонившіяся къ упадку и разрушенію, возстановлены и приведены въ цвѣтущее состояніе, иныя вновь открыты и благоустроены. Красотою храмовъ Москва и вся твоя паства обязаны преимущественно твоей заботливости о сохраненіи въ народѣ любви къ благолѣпію храмовъ Божіихъ.

Строгій порядокъ въ дѣлахъ по управленію паствою и многолѣтняя твоя опытность дѣлали легкими труды для тѣхъ изъ насъ, которые были призываемы тобою къ участію въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, а мудрость и справедливость въ рѣшеніяхъ служили прочною охраною всеобщей довѣренности къ твоему суду.

Всѣ мы съ великимъ утѣшеніемъ видѣли въ тебѣ поучительный примѣръ безкорыстія, умѣренности, простоты жизни и духовнаго искусства—довольствуясь малымъ, весь избытокъ посвящать на дѣла благотворенія. Твое постоянное вниманіе къ бѣдному духовенству, заботливость объ устроеніи сиротъ, о призрѣніи вдовъ, о воспитаніи дѣвицъ, для которыхъ въ недавнее время устроено тобою обширное учебное заведеніе, — все это давно пріобрѣло тебѣ между нами высокое имя отца вдовъ и сиротъ.

Мы благодаримъ Господа, одарившаго тебя преизобильно всякими дарованіями духовными и благословив-

шаго благими плодами твои пятидесятилѣтніе труды въ святительскомъ служеніи, и молимъ Его, чтобы Онъ продлилъ еще на многіе годы твою жизнь и сохранилъ твои силы на пользу и утѣшеніе не только твоей паствы и церкви отечественной, но и церкви вселенской.

Въ этихъ чувствахъ благодаренія Господу, признательности къ тебѣ, достойному преемнику великихъ Московскихъ Святителей, — и въ память настоящаго дня, — мы просимъ тебя, милостивѣйшій архипастырь, благословить наше желаніе—поставить въ Московскомъ каѳедральномъ соборѣ и соборахъ другихъ городовъ твоей паствы иконы Св. Филарета Милостиваго, — и въ устроенномъ тобою училищѣ для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, на все время его существованія, обезпечить содержаніе семи воспитанницъ.

5 августа 1867 г.

Посланіе къ высокопреосвященнѣйшему Филарету отъ членовъ Алтайской духовной миссіи.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
Милостивѣйшій архипастырь!

Въ тотъ день, когда святая церковь начинаетъ предпразднственное торжество всесвѣтлаго Христова преображенія, сугубая благодать Святаго Духа, осѣнивъ твою

богоизбранную главу, твою священную особу поставила свѣтильникомъ Христовой церкви. Въ этотъ день нынѣшняго лѣта исполняется полвѣка, какъ сей свѣтильникъ бѣ горя и свѣтя не одной какой либо частной паствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всему православному обществу вѣрующихъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ. Въ этотъ день, какъ день благословенный, вся многомилліонная Россія единымъ сердцемъ и едиными устами вознесетъ къ престолу Божію сугубую жертву,— жертву благодаренія Отцу свѣтовъ, возжегшему во время благопотребно и хранящему полвѣка таковый свѣтильникъ въ нашей отечественной церкви, и жертву прошенія, да оставитъ Онъ еще на многая лѣта свѣтильникъ сей на свѣщникѣ воинствующей церкви, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ Христовой суть, свѣтомъ непоколебимой, богомудрой вѣры, полувѣковой архипастырской опытности, и почти вѣковой подвижнической жизни по вѣрѣ.

Разсѣянная по горамъ и удоліямъ Алтая, малѣйшая и юнѣйшая часть Всероссійской церкви, недавно призванная отъ языкъ инородныхъ, вмѣстѣ съ недостойными ея служителями Слова, къ общему всероссійскому молитвенному хору, дерзаетъ присоединить и свой смиренный голосъ въ приснопамятный день 5-го августа сего года. Къ непремѣнному исполненію сего священ-

наго и пріятнаго долга Алтайская миссія побуждается своими особенными, важными причинами.

Во всемъ томъ, что, по благословенію Божію и во славу Божію, до сихъ поръ совершено въ Алтайской миссіи и чрезъ Алтайскую миссію, миссія незабвенно сознаетъ благотворное участіе вашего высокопреосвященства.

Вашему мудрому руководительству обязанъ своимъ высокимъ духовнымъ просвѣщеніемъ первоначальникъ Алтайской миссіи, о. архимандритъ Макарій. Еще въ лѣта юности, отъ духа вашего онъ воспріялъ духъ пламенной любви къ слову Божію, духъ ревности по Бозѣ, духъ смиреннаго и высокаго подвижничества, духъ самоотверженной любви къ человѣкамъ. Благоволительное соизволеніе вашего высокопреосвященства опредѣлило и утвердило рѣшимость о. Макарія посвятить себя на служеніе апостольское въ предѣлахъ Сибири. Архипастырское благословеніе вашего высокопреосвященства напутствовало его на сіе многотрудное поприще, какъ и послѣ того оно же всегда напутствовало каждаго изъ послѣдующихъ миссіонеровъ Алтайскихъ. Богомудрыя Евангельскія правила пастырской дѣятельности, положенныя о. Макаріемъ въ основу миссіонерскаго служенія на Алтаѣ, восприняты были имъ отъ васъ же: тотъ свѣтъ, которымъ сіялъ онъ въ горахъ Алтайскихъ, просвѣщая сидѣвшихъ въ тьмѣ язычества и смертной

сѣни грѣха, возженъ былъ отъ вашего свѣтильника. Вашему высокопреосвященству какъ о. Макарій, такъ и послѣдующіе служители Слова на Алтаѣ и въ дальнѣйшемъ ходѣ своей дѣятельности обязаны постояннымъ отеческимъ руководствомъ и нравственною поддержкою. Самымъ до-нынѣшнимъ существованіемъ своимъ Алтайская миссія обязана по преимуществу милостивому соучастію вашего высокопреосвященства, выражавшемуся въ многократныхъ и многообразныхъ благотвореніяхъ отъ васъ или чрезъ васъ и въ постоянномъ покровительственномъ содѣйствіи главному благотворителю и сотруднику Алтайской миссіи—одному изъ достойныхъ священнослужителей первопрістольной Москвы.

«Отъ избытка сердца уста глаголютъ.» Въ силу сей богонасажденной въ сердцѣ человѣческомъ потребности, безъ сомнѣнія, съ разныхъ концовъ обширной Россіи, отъ разныхъ учрежденій, мѣстъ и вѣдомствъ, въ день 5-го августа, на крыльяхъ незримой молніи, съ быстротою мысли понесутся къ вамъ выраженія почтительнѣйшей признательности; а иныя лица и учрежденія, сверхъ того, почтутъ за долгъ увѣковѣчить свою признательность чѣмъ либо сообразнымъ въ память имени вашего и поученіе дальнѣйшимъ родомъ. Алтайская миссія, существующая и питающаяся милостію правительства и благотвореніями ревнителей Евангельскаго просвѣщенія, отъ собственныхъ средстъ не можетъ

принести какой либо вещественной жертвы съ подобнымъ назначеніемъ. Она всесмиреннѣйше испрашиваетъ вашего милостиваго соизволенія на ея искреннѣйшее желаніе: 1) Въ первомъ изъ имѣющихъ быть вновь устроенными становъ миссіи походную церковь посвятить соименному вамъ угоднику Божію, Прав. Филарету Милостивому, и самый станъ именовать Филаретовскимъ. 2) Вызываемое неотложною необходимостью и, при Божіемъ благословеніи, могущее принести великую пользу Алтайскому краю расширеніемъ и укрѣпленіемъ миссіонерскаго дѣла, приготовительное училище новокрещенныхъ инородческихъ дѣтей въ с. Улалѣ именовать Филаретовскимъ Миссіонерскимъ Училищемъ. 3) Вашему высокому имени посвятить приготовленное къ печатѣ «руководство къ обученію грамотѣ и начаткамъ христіанской вѣры Алтайскихъ инородческихъ дѣтей.» 4) Ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о присвоеніи вашему высокопреосвященству лестнаго для миссіи званія «почетнаго попечителя Алтайской духовной миссіи.»

Раздѣленные многотысячнымъ разстояніемъ, мысленно повергаясь къ святительскимъ стопамъ вашимъ, всеусерднѣйше и почтительнѣйше просимъ ваше высокопреосвященство, съ архипастырскою благосклонностію, принять настоящее посильное выраженіе нашей общей и единодушной къ вамъ благодарности и освятить ва-

шимъ священнымъ благословеніемъ какъ выраженныя здѣсь наши намѣренія, такъ и всѣ входы и исходы нашей жизни и посильной миссіонерской дѣятельности.

Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря, благодѣтельнѣйшаго отца и покровителя, всенижайшіе послушники и всегдашніе богомольцы: архимандритъ Владиміръ, протоіерей Стефанъ Ландышевъ, іеромонахъ Акакій, священникъ Василій Вербицкій, священникъ Іоаннъ Смольяниновъ, священникъ Арсеній Ивановскій, священникъ Александръ Гусевъ, іеромонахъ Смарагдъ, іеромонахъ Дометіанъ, діаконъ Василій Постниковъ, студентъ Петръ Макушинъ, студентъ Иванъ Солодчинъ.

29 іюня 1867 г.

Мы уже говорили, что эти привѣтствія, доставленныя высокопреосвященному Филарету со всѣхъ концовъ земли Русской и даже съ далекаго востока, гораздо лучше всѣхъ нашихъ словъ выразятъ то значеніе, какое имѣлъ великій архипастырь въ церкви православной.

Прослуживъ пятьсдеятъ лѣтъ въ санѣ архіерея, онъ не ослабъ духомъ, а, напротивъ, вознесся на высоту недосягаемую и оттуда спокойнымъ окомъ могъ взирать на пройденный имъ путь,—путь трудный, но единственно-вѣрный и истинный. И онъ ни на минуту не уклонялся отъ избраннаго имъ пути; ни малѣйшаго колебанія не замѣчается во всей его жизни; неуклонный служитель истины, онъ былъ чуждъ всего суетнаго и

ложнаго, и потому-то мы съ такимъ благоговѣніемъ чтимъ его память.

Теперь предъ нами проходятъ три эпохи, три царствованія, въ продолженіи которыхъ онъ является полнѣйшимъ выразителемъ нашего духовнаго развитія. И обращая взоръ на далекое прошлое, и отъ него перенося мыслію въ близкое настоящее, мы повторяемъ снова, что угасло великое свѣтило церкви, не стало великой нравственной, общественной силы. Не стало послѣдняго народнаго имени!

Итакъ, мы прослѣдили, шагъ за шагомъ, всю жизнь усопшаго святителя и здѣсь намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ онъ давно былъ предувѣдомленъ о своей близкой кончинѣ.

Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ одно событіе, которое, какъ слѣдуетъ полагать, способствовало укрѣпленію въ немъ мысли, что недалекъ тотъ день, когда призоветъ его Господь изъ среды живыхъ въ селенія горніи.

Въ ночь на 17-е сентября явился ему во снѣ его покойный родитель и внушительно завѣщалъ ему особенно помнить и наблюдать *девятнадцатое число*. Это видѣніе озаботило архипастыря, и онъ сообщилъ о немъ на слѣдующее же утро человѣку, съ которымъ давно уже привыкъ дѣлиться своими душевными помыслами,—намѣстнику Троицкой Лавры архимандриту Антонію.

Сей послѣдній сдѣлалъ замѣчаніе, что не всегда можно вѣрить сновидѣніямъ; на это архипастырь замѣтилъ ему, что явившійся былъ его родитель, то-есть тотъ, чьимъ велѣніямъ изъ дѣтства привыкъ повиноваться онъ. Вслѣдствіе этого явленія онъ дѣйствительно соблюдалъ вниманіе къ указанному явившимся числу до рокового 19 ноября, когда, пріобщившись тѣлу и крови Христовой въ священнодѣйствіи, имъ самимъ совершеннымъ, онъ тѣмъ самымъ приготовилъ себя къ внезапному появленію ангела,—вѣстника смерти.

Слѣды уже утвердившейся въ немъ мысли о скорой кончинѣ носятъ также и нѣкоторыя изъ его дѣйствій и распоряженій передъ отъѣздомъ изъ Лавры. Со дня своего пятидесятилѣтняго юбилея онъ жилъ почти постоянно въ Лаврѣ, а не обычномъ лѣтнемъ пребываніи своемъ—въ Геѳсиманскомъ скиту; но за нѣсколько дней до возвращенія своего въ Москву онъ нарочно пожелалъ съѣздить въ Геѳсиманію, чтобы проститься съ братіей, и по свидѣтельству иноковъ со всѣми простился такъ внимательно и любовно, какъ никогда не прощался прежде, и тогда же сдѣлалъ послѣднія распоряженія на счетъ своего погребенія.

Такъ тихо скончался великій архипастырь Московскій. Миръ его праху!

IV.

Человѣкъ, стоящій на высотѣ, безъ всякаго сомнѣнія, виднѣе человѣка, теряющагося въ толпѣ. Его дѣйствія всѣ на виду, онъ не можетъ укрыться отъ устремленныхъ отовсюду на него взглядовъ.

И понятно, что чѣмъ выше стоитъ человѣкъ, тѣмъ строже онъ долженъ относиться къ самому себѣ и тѣмъ строже къ нему относится толпа. Онъ уже не принадлежитъ самому себѣ: онъ принадлежитъ всему народу и весь народъ можетъ требовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ, его поступкахъ; онъ предстоитъ предъ народнымъ судилищемъ, нелицепріятномъ и нелицемѣрномъ, ибо сама народная мудрость сказала, что голосъ народа—гласъ Божій!...

И какъ счастливъ тотъ, кто можетъ смѣло выйдти на этотъ народный судъ и сказать: «Вамъ извѣстны всѣ мои дѣла, передъ вами вся моя прошлая жизнь; скажите, что я говорилъ безчестнаго, неправеднаго; скажите, что я совершилъ такого, чтобы бы не было для вашей пользы?» Какъ счастливъ человѣкъ, имѣющій право сказать подобныя слова! И не должны ли мы удивляться ему, не должны ли мы благоговѣть предъ нимъ? А развѣ этотъ народъ, посреди котораго являются подобныя личности,—развѣ онъ не можетъ также назвать-

ся счастливымъ? Конечно можетъ, конечно онъ также счастливъ, ибо эти силы изъ него же выходятъ.—Эти великія силы есть высшее выраженіе его собственныхъ силъ. Въ нихъ онъ видитъ какъ бы отраженіе самого себя. Онъ гордится ими, онѣ составляютъ его славу, его значеніе въ средѣ другихъ народовъ.

Только во времена высшаго развитія Греціи и Рима являлись въ нихъ Ликурги и Солоны, Муціи Сцеволы и Гораціи Коклесы, ибо великіе люди всегда бываютъ выраженіемъ величія народнаго духа. Великій человѣкъ есть всегда представитель извѣстнаго народа въ извѣстный моментъ.

Но какъ малы всѣ эти представители языческаго міра передъ великими явленіями міра христіанскаго! Какъ ничтожны всѣ геройскіе подвиги Леонидовъ и Кодровъ передъ подвигами тѣхъ, которые безтрепетно шли на мученія и смерть за истину Христова ученія! Мы удивляемся первымъ, удивляемся ихъ самопожертвованію, но невольно падаемъ ницъ предъ самоотверженіемъ послѣднихъ и поклоняемся имъ.

Духъ человѣческій одинъ и тотъ же во всѣ времена, но духъ просвѣтленный христіанствомъ, освободившійся отъ своихъ заблужденій, всегда свойственныхъ человѣку, неизмѣримо чище и выше того, какимъ онъ является во времена язычества: онъ очистился въ горнилѣ вѣры.

Великіе свѣтильники вѣры, являвшіеся во всѣ вѣка христіанства, до сей поры горятъ яркимъ и животворнымъ свѣтомъ и никогда не угаснутъ потому что не могутъ угаснуть, ибо свѣтъ, разливаемый ими, исходитъ отъ Того Кто одинъ есть истинный свѣтъ.

Въ мірѣ все проходитъ: падаютъ и возвышаются государства, воздвигаются и разрушаются громадныя зданія, основываются и отрицаются новыя ученія, но не можетъ разрушиться то зданіе, которое воздвигнуто самимъ создателемъ міра. Это зданіе также вѣчно, какъ вѣченъ Самъ создавшій его. Оно покоится на незыблемомъ основаніи, и это основаніе—истина!

Не имѣетъ ли права на наше вниманіе тотъ, который всю свою жизнь неуклонно слѣдовалъ, неуклонно служилъ этой истинѣ? Да, онъ имѣетъ право не только на наше вниманіе, но и на самое глубокое уваженіе къ его священной памяти.

Ранѣе мы уже прослѣдили шагъ за шагомъ всю жизнь высокопреосвященнѣйшаго Филарета, не выводя никакихъ заключеній, просто разсказывая о томъ, какъ шелъ онъ по предначертанному пути. Теперь мы имѣемъ намѣреніе нарисовать нравственный портретъ въ Бозѣ почившаго архипастыря,—на сколько это будетъ въ нашихъ средствахъ и силахъ,—указать, что именно имъ сдѣлано и при какихъ средствахъ, а потомъ раскрыть отличительныя черты его духовныхъ сочиненій.

Прежде всего мы должны сказать, что въ митрополитѣ Филаретѣ мы видимъ не только высоко поставленное духовное лицо, не только архипастыря Московскаго, но и наставника и воспитателя юношества, и государственнаго дѣятеля и истиннаго сына отечества; мы видимъ въ немъ не только глубокомысленнаго ученаго богослова, но и смиреннаго подвижника вѣры Христовой.

Если бы отъ служителя церкви требовалось только смиренномудрія, кротости и самоотреченія отъ земныхъ благъ, то и тогда усопшій святитель выразилъ бы собою чистѣйшій образъ подобнаго служителя алтаря.

Къ сожалѣнію, въ наше время однихъ только этихъ качествъ еще недостаточно для того, чтобъ имѣть значеніе въ жизни общественной, чтобъ вліять на наше развратившееся общество. Или, лучше сказать, подобныя качества достаточны только для лица, не вызваннаго на высокую среду общественной дѣятельности; достаточны только для того, кто проводитъ жизнь свою въ неизвѣстности, а не принимаетъ на себя обязанности руководить общество на пути духовнаго развитія.

Труденъ и достоинъ подражанія и этотъ незнаемый подвигъ,—это отреченіе отъ міра, отъ его скоро преходящихъ наслажденій. Но на сколько выше подвигъ того человѣка, который своимъ примѣромъ увлекаетъ на путь истины его окружающихъ, который своимъ словомъ очищаетъ души этихъ людей отъ плевелъ и ука-

зуетъ имъ путь истины и правды! Какими великими нравственными и умственными силами долженъ обладать онъ, чтобъ руководить общество по этому пути! Какая неисчерпаемая сила духа нужна ему, чтобъ преодолѣвать всѣ препятствія, заключающіяся въ общественной суетности, а иногда даже въ позорномъ отчужденіи отъ истины, въ нежеланіи понять ее, въ небреженіи къ своему духовному просвѣщенію! Какія разнообразныя средства должны быть употребляемы для того, чтобъ исторгнуть насъ изъ этого равнодушія.

Мы слышимъ голосъ любви,—кроткій сердечный голосъ вѣры, убѣждающій насъ возвратиться на путь правый и истинный; но сей голосъ остается для насъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ не трогаетъ и не умиляетъ наши очерствѣлыя сердца. И вотъ, взамѣнъ его звучитъ голосъ гнѣва, грозный и карающій голосъ, призывающій насъ къ покаянію; но и онъ не будитъ нашихъ сердецъ отъ позорнаго сна. Что же остается дѣлать пастырю, скорбящему о грѣхахъ своей паствы. Онъ обращается къ уму, дѣйствуетъ на нравственное убѣжденіе слушателей... И никто не говорилъ болѣе убѣдительно для самаго тяжелаго ума, какъ говорилъ митрополитъ Филаретъ. Мы говоримъ здѣсь о проповѣдникѣ Филаретѣ.

Но оставляя пока въ сторонѣ разборъ значенія его, какъ проповѣдника, возвратимся къ началу его поприща,

взглянемъ на него какъ на воспитателя духовнаго юношества, какъ на наставника, какъ на устроителя духовныхъ училищъ, и спросимъ самихъ себя, что для сего потребно? Какимъ мы представляемъ себѣ этого наставника.

Полагаемъ, что каждый имѣетъ достаточно вѣрное представленіе о своемъ воспитателѣ, что для каждаго ясенъ его образъ, для каждаго дорогой и любимый; говоримъ дорогой и любимый образъ потому, что коль скоро онъ не рисуется въ нашемъ воспоминаніи чистымъ и свѣтлымъ, то слѣдовательно воспитатель нашъ шелъ по ложному пути и не имѣлъ необходимыхъ для воспитанія юношества качествъ.

Для образованія юныхъ умовъ, для воспитанія юнаго свѣжаго чувства, для правильнаго развитія душевныхъ способностей еще недостаточно обладать самому великой образованностью, большимъ запасомъ свѣдѣній Безъ всякаго сомнѣнія, необходимо и знаніе предмета чтобъ понятно передавать его другимъ; но одно знаніе еще не даетъ возможности управлять нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ ребенка. Отъ самого способа передачи этого знанія зависитъ большій или меньшій успѣхъ воспитанниковъ въ его воспринятіи. Сухое, мертвенное изложеніе науки, какимъ бы знаніемъ ни обладалъ преподаватель, передаетъ только букву, а не самый духъ этой науки, а потому въ умѣ слушателей

не можетъ остаться о ней вѣрнаго и яснаго представленія, и она не надолго отпечатлѣется въ памяти; она должна быть передаваема живымъ и пламеннымъ словомъ, она должна являть яркій и цѣльный образъ, она должна быть заключена въ стройную систему.

Кромѣ того отъ духовнаго наставника требуется еще глубокаго проникновенія въ таинства вѣры, отъ него въ высшей степени требуется духовная и нравственная чистота, дабы онъ самъ могъ служить образцомъ для своихъ воспитанниковъ. Онъ долженъ самъ являть собою примѣръ любви, кротости, терпѣнія.

Мы уже знаемъ какою глубокою ученостью обладалъ митрополитъ Филаретъ, самъ довершивъ свое образованіе уже въ то время, когда ему было поручено обученіе духовнаго юношества. Придавая высокое значеніе своему призванію, обладая высокими дарованіями, онъ считалъ себя обязаннымъ приготовиться къ возлагаемой на него должности.

Первоначально на него было возложено преподаваніе двухъ священныхъ языковъ библіи: еврейскаго и греческаго, и слѣдствіемъ этого было его ближайшее знакомство съ коренными источниками христіанства; онъ вкусилъ сладость этого ученія изъ самаго чистѣйшаго источника и его водами воспиталъ духъ свой. Весь проникнутый истинами этого единаго истиннаго ученія, онъ передавалъ его основанія глубокимъ и пламенно-

увѣреннымъ краснорѣчіемъ, которое не могло не дѣйствовать поразительно на его воспитанниковъ.

Но одно это краснорѣчіе не могло бы еще имѣть такого неизгладимаго вліянія на сердца и умы учениковъ, еслибъ къ нему не присоединялась жизнь самаго наставника, всегда представлявшая собою примѣръ истинно христіанскихъ добродѣтелей.

Въ нашемъ воображеніи рисуется въ настоящее время свѣтлый образъ истиннаго наставника,—нѣжнаго, кроткаго, любящаго, мудраго, терпѣливаго, проникнутаго духомъ вѣры, полнаго неизсякаемой доброты. Таковъ былъ митрополитъ Филаретъ и въ то время, когда еще только вступалъ на поприще воспитателя; таковъ былъ онъ и послѣ, когда стоялъ на высшей степени духовной іерархіи, такимъ мы видѣли его всегда. Въ немъ не было ни надмѣнной гордости, ни холоднаго себялюбія—признака душъ слабыхъ, чуждыхъ духу христіанскаго ученія; онъ всегда былъ всѣмъ доступенъ, всегда былъ полонъ горячей любовью къ ближнимъ.

Печальна участь себялюбца! Ему неизвѣстны самыя чистыя и священныя радости жизни! Онъ всегда угрюмъ й равнодушенъ ко всему его окружающему. Не радуясь чужой радости, не рыдая надъ чужою печалью, онъ тѣмъ самымъ удаляетъ отъ себя другихъ, и своей радостью подѣлиться ему не съ кѣмъ, и своего горя разсказать ему некому. Это ли жизнь! Такое существованіе

лишено всякой прелести: это смерть сердца, вѣчный сонъ чувства! Умретъ такой человѣкъ—и никто не почтитъ слезами его могилы, и никто не прильнетъ устами къ его холоднымъ устамъ съ горячею мольбою... Ужасно жить одинокимъ, но еще ужаснѣе одинокимъ умереть... Но какъ краснорѣчиво доказала противное самая кончина нашего незабвеннаго архипастыря, оплакиваемая безчисленнымъ множествомъ людей всѣхъ сословій и состояній! Истинно великъ былъ и счастливъ тотъ человѣкъ, который заслужилъ такую всенародную любовь! Истинно счастливъ народъ, посреди котораго являются подобные люди.

Такимъ образомъ, какъ воспитатель, какъ наставникъ духовнаго юношества, Филаретъ съ самаго вступленія своего на это поприще является однимъ изъ образцовыхъ воспитателей.

Далѣе мы видимъ его устроителемъ духовныхъ училищъ, неустанно трудящимся, неустанно заботящимся объ улучшеніи ихъ быта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Неоднократно производя, по распоряженію высшаго духовнаго начальства, обозрѣніе этихъ заведеній, онъ заботливо вникалъ во всѣ ихъ нужды, во всѣ ихъ потребности. Когда же онъ стоялъ во главѣ духовнаго управленія, то главное его вниманіе было обращено на ихъ преобразованіе, согласно съ потребностями времени. Онъ неутомимо преслѣдовалъ эту цѣль и своимъ настоя-

щимъ положеніемъ, какъ уже было сказано нами, духовныя заведенія главнымъ образомъ обязаны ему. Мы не хотимъ сказать, чтобы онъ одинъ совершилъ это преобразованіе, но имъ было положено начало, но онъ далъ толчекъ, онъ руководилъ имъ. Какъ на одну изъ числа многихъ его заслугъ и на эту указано въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по случаю празднованія его пятидесятилѣтняго юбилея и нельзя не сознаться, что заслуга эта не малая.

Если всѣми давно уже признано, что образованіе вообще имѣетъ такое громадное значеніе въ общественной и политической жизни народа, если признано, что съ успѣхами просвѣщенія улучшается народная нравственность и умножается благосостояніе, то какъ неизмѣримо выше общаго образованія стоитъ образованіе духовенства. Возьмемъ ли его съ точки зрѣнія улучшенія общественной нравственности—и тогда оно является на первомъ планѣ, ибо истинная нравственность возможна только при просвѣщеніи свѣтомъ истинъ Евангельскихъ, ибо только эти истины могутъ разсѣять мракъ пагубныхъ заблужденій. Отнесемся ли къ нему съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, какъ къ способу распространенія христіанства,—въ такомъ случаѣ оно уже конечно является самою насущною необходимостію. Слѣдовательно заботы объ истинномъ духовномъ образованіи, о его согласованіи съ потребностями вре-

мени должны быть признаны какъ великая заслуга истиннаго пастыря церкви. Одпа уже она даетъ право на народное уваженіе, на народную любовь, на высокое мѣсто въ средѣ другихъ святителей русскихъ.

Но не останавливаясь на одной только этой заслугѣ, мы пойдемъ далѣе.

Въ томъ же самомъ Высочайшемъ рескриптѣ было сказано, что покойный архипастырь неутомимо заботился о распространеніи православнаго ученія,—и мы видимъ нашихъ миссіонеровъ безстрашно проходящихъ по безплоднымъ снѣговымъ пустынямъ Сибири. Мы видимъ чукчей и камчадаловъ уже просвященныхъ свѣтомъ Христова ученія; мы встрѣчаемъ Божіи храмы на самомъ далекомъ сѣверѣ нашего необъятнаго отечества,—тамъ, гдѣ прежде бродили только стада дикихъ оленей.

Но заботясь о распространеніи христіанства между дикими племенами, онъ не оставлялъ безъ вниманія и тѣхъ, которые вслѣдствіе печальныхъ заблужденій были отторгнуты отъ православной церкви. Онъ кротко увѣщавалъ ихъ возвратиться въ лоно церкви истинной—и успѣлъ въ своемъ увѣщаніи; такъ называемые старообрядцы оставили свое лжемудрованіе и познали истинный свѣтъ.

И съ единовѣрными церквами на далекомъ востокѣ, съ тою церковью, которая была колыбелью христіанства и съ тою, отъ которой мы приняли каѳоличе-

ское ученіе, онъ постоянно поддерживалъ общеніе, неустанно заботясь объ ихъ процвѣтаніи. Имя его славилось всюду, во всей церкви православной! Его обширная, неутомимая дѣятельность давала себя чувствовать отъ крайнихъ предѣловъ сѣвера до Іордана и Мертваго моря, всюду обращалъ онъ взоръ свой и повсюду было замѣтно его архипастырское участіе.

Обращаясь въ болѣе тѣсномъ кругу, въ средѣ своей паствы, онъ также неутомимо заботился о ея духовномъ просвѣщеніи, о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, о наставленіи ея въ правилахъ истиннаго благочестія.

Однимъ словомъ, куда бы ни обратили мы взглядъ свой, повсюду видны слѣды его заботъ и трудовъ на пользу православія, повсюду видна его неоскудѣвавшая, но съ каждымъ днемъ увеличивавшаяся ревность о благѣ и славѣ церкви вселенской, о развитіи всюду истиннаго свѣта вѣры.

Его важное, глубокомысленное слово, такъ часто оглашавшее святые храмы Московскіе, было чуждо отвлеченныхъ изысканій, чуждыхъ духу жизни христіанской; въ этомъ словѣ слышалось сердечное краснорѣчіе убѣжденнаго въ Евангельской истинѣ и собственнымъ опытомъ познавшаго ея божественную силу; слово это раскрывало намъ самыя основанія и духъ ученія и закона Христова. Но содѣйствуя распространенію и утвержденію истиннаго понятія о вѣрѣ, онъ въ то же

время отстранялъ и навѣваемыя временемъ ученія неправомыслія. Его бдительный взоръ слѣдилъ за всѣмъ совершавшимся въ церкви и скоро обличалъ уклоненія отъ истины православія.

Онъ былъ доступенъ для каждаго; каждаго принималъ онъ и врачевалъ духовно съ истинно отеческой любовью. Онъ чувствовалъ свой долгъ заботиться не о тѣхъ только, которые находились въ оградѣ паствы его, и слѣдствіемъ этихъ заботъ было пріобрѣтеніе новыхъ членовъ церкви, членовъ, похищенныхъ въ болѣе печальныя времена у церкви православной коварствомъ или заблужденіемъ.

Зная сколь важно ближайшее знакомство съ коренными источниками христіанства и притомъ видя иногда не такое его пониманіе, онъ, когда увидѣлъ, что настало время, произнесъ первое слово предъ священноначаліемъ церкви русской за слово Божіе, чтобъ сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ на понятномъ нарѣчіи; ему-то мы главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что имѣемъ возможность читать ученіе Христово на нашемъ родномъ языкѣ.

Постоянно трудясь надъ духовнымъ просвѣщеніемъ своей паствы, заботясь о воспитаніи духовнаго юношества въ духѣ христіанскаго благочестія, онъ въ то же время предпринимаетъ на собственныя средства устроеніе дома призрѣнія и воспитанія для сиротствую-

щихъ дѣтей духовныхъ лицъ. И его примѣръ благотворно дѣйствуетъ на общество, стремящееся по слѣдамъ своего архипастыря, спѣшащее ознаменовать себя дѣлами благотворительности. Таково его значеніе, какъ пастыря духовнаго, таково его значеніе, какъ глашатая истины! Можемъ ли мы не преклониться передъ нимъ? Можемъ ли не признать въ немъ нашего руководителя.

Но если велико и важно его значеніе какъ архипастыря, какъ нашего духовнаго просвѣтителя, то не менѣе важно его значеніе какъ устроителя духовныхъ братствъ и какъ мужа государственнаго.

Будучи самъ всегда строгимъ инокомъ и любителемъ иноческихъ подвиговъ, онъ, сдѣлавшись архипастыремъ Московскимъ, своими мудрыми распоряженіями и правилами устроилъ, обновилъ и утвердилъ великое число иноческихъ обителей. Они, какъ духовно-воспитательныя учрежденія, какъ разсадники благочестія, обладающіе большими средствами къ выполненію древнихъ уставовъ богослуженія, всегда были главнымъ предметомъ его постоянныхъ попеченій. Его сердце всегда было привлекаемо духовнымъ подвижничествомъ, равно какъ и самъ онъ всегда былъ образцомъ иночества.

Но не переставая быть въ частной жизни своей строгимъ инокомъ, онъ въ жизни общественной всегда являлся горячимъ сыномъ общаго намъ отечества; смиренный подвижникъ, онъ, когда былъ призываемъ къ

разсмотрѣнію вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасались съ дѣлами государства, или же когда довѣріемъ Самодержцевъ были поручаемы ему дѣла особенно важныя,—являлся государственнымъ дѣятелемъ.

Наступали ли для отечества нашего тяжелыя времена, онъ первый подавалъ примѣръ служенія отечественнымъ интересамъ, первый приносилъ жертвы отъ сбереженныхъ даяній. И во всѣхъ скорбяхъ и радостяхъ Царскаго дома, онъ постоянно принималъ глубокое, сердечное участіе, принося молитвы на алтарь Всемогущаго!

И такъ, мы видимъ въ немъ на всѣхъ ступеняхъ его служенія высокій образецъ духовнаго пастыря и гражданина. Всегда и повсюду является онъ служителемъ истины и горячо преданнымъ сыномъ общаго намъ отечества. Всегда и повсюду является онъ великимъ и свѣтлымъ: на высотѣ ли своего архіерейскаго служенія, смиреннымъ ли инокомъ въ келліи геѳсиманской, смиреннымъ ли воспитателемъ духовнаго юношества или мужемъ государственнымъ,—онъ всегда изумляетъ насъ своею неутомимою дѣятельностью, своимъ высокимъ умомъ.

Еще такъ жива въ нашей памяти наша великая утрата! Еще такъ ясенъ для насъ его любимый, его дорогой образъ! Вотъ онъ какъ живой стоитъ въ нашемъ воображеніи: малый ростомъ, худой, слабый, съ блѣднымъ, морщинистымъ, изможденнымъ постомъ и

трудами лицомъ, съ глубоко проницательнымъ, свѣтлымъ и живымъ взглядомъ — какъ онъ сіяетъ! Какъ онъ прекрасенъ и свѣтелъ! Какъ тихъ его голосъ, но какъ могущественно дѣйствуетъ на сердце его тихая рѣчь!

Довольно! Всѣ наши слова безсильны выразить то, что мы чувствуемъ!... Намъ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ о его ученыхъ богословскихъ трудахъ, о его ораторскомъ краснорѣчіи.

V.

Прежде, чѣмъ заняться въ этой послѣдней главѣ разборомъ отличительныхъ чертъ покойнаго Филарета, какъ писателя и оратора, мы считаемъ нелишнимъ предпослать этому разбору краткое вступленіе, въ которомъ разберемъ теорію вообще ораторскихъ сочиненій.

Во первыхъ, что мы называемъ собственно ораторскою рѣчью и изъ какихъ элементовъ или составныхъ частей должна она состоять.

На это мы отвѣтимъ, что ораторской рѣчью признано называть такое сочиненіе, которое предлагается для изустнаго произношенія и имѣетъ цѣлію убѣдить умъ и преклонить волю слушателей.

Такое сочиненіе всегда содержитъ въ себѣ два элемента: общій и частный. Общій — есть какое-нибудь

отвлеченное понятіе, мысль, догматъ, нравственное предписаніе и т. п.; частный—какое нибудь явленіе, опредѣленное событіе, картина цѣлой жизни въ извѣстное время, замѣчательное лицо и т. д.

Заимствуя содержаніе своего слова изъ дѣйствительной жизни, ораторъ въ ряду жизненныхъ явленій беретъ какое нибудь совершившееся событіе, но не довольствуется его признаніемъ; событіе это, какъ частное, случайное явленіе, онъ стремится примирить или пересоздать согласно съ общимъ, съ идеей, съ религіозными или нравственными законами. Такимъ образомъ, проповѣдникъ, видя жизнь, несогласную съ законами Евангельскаго ученія, съ законами церкви, стремится къ примиренію этихъ двухъ предметовъ, то-есть къ очищенію частной жизни, къ подчиненію ея законамъ; или же признаетъ явленіе, находя согласіе между частной жизнью и общими законами.

Неоспоримое преимущество между всѣми родами краснорѣчія принадлежитъ краснорѣчію духовному, какъ такому, которое общимъ элементомъ имѣетъ вѣчныя непреложныя истины, религіозные догматы и нравственныя истины, свыше открытыя человѣчеству. Частный элементъ духовнаго краснорѣчія состоитъ изъ убѣжденія людей или изъ указанія на дѣла ихъ, несогласныя съ догматами и законами церкви. Проповѣдникъ представляетъ отношеніе этихъ двухъ элементовъ: дѣйстви-

тельнаго (которое есть на самомъ дѣлѣ) и идеальнаго (того, которое должно быть).

Проповѣдь служитъ церкви для воспитанія въ слушателяхъ членовъ ея достойныхъ и по этому въ общей, положительной части должна господствовать и ясно представляться идея. Проповѣдникъ говоритъ не отъ себя, а отъ имени церкви, всѣ его доводы подкрѣпляются ея авторитетомъ, и этотъ-то авторитетъ даетъ каждому его слову вѣсъ и значеніе.

Она, также какъ и всякая другая ораторская рѣчь, заключаетъ въ себѣ два элемента: общій и частный. Первый заключается въ догматахъ церкви (чему человѣкъ долженъ вѣровать) и нравственныхъ правилахъ (какъ онъ долженъ жить); второй—въ мысляхъ и дѣлахъ людей, преступающихъ законы церкви. Проповѣдникъ долженъ примирить ихъ, то-есть мысли и дѣла людей, уклонившихся отъ церкви, обратить опять къ ней.

Такимъ образомъ духовное краснорѣчіе имѣетъ двѣ стороны: догматическую, заключающуюся въ изложеніи вѣчныхъ неизмѣняемыхъ истинъ,—и нравственную, состоящую въ примѣненіи этихъ неизмѣняемыхъ истинъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ времени и мѣста, въ которыхъ проповѣдникъ застаетъ слушателей.

Если бы для поученія была необходима одна только общая часть, то-есть изложеніе вѣчныхъ истинъ, то не было бы надобности говорить проповѣдей, а было

бы достаточно повторять одинъ разъ составленный катихизисъ, въ которомъ изложены эти истины. Еслибъ вторая часть, то-есть приложеніе вѣчныхъ истинъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ жизни, относилась только къ общимъ слабостямъ человѣческой природы, которыя человѣку, по его несовершенству, присущи во всѣ времена, то достаточно бы было чтенія поученій отцовъ церкви, которые уже говорили о этихъ несовершенствахъ, и было бы излишне повторять уже сказанное ими.

Однако, несмотря на все душеспасительное, что сказано древними учителями церкви и что мы можемъ изъ нихъ почерпнуть, невольно чувствуется нами, что кромѣ того намъ необходимо слово современнаго намъ пастыря, близкаго свидѣтеля нашихъ собственныхъ немощей, нашихъ собственныхъ пороковъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыми страдали наши предки; намъ необходимъ указатель нашихъ заблужденій, которыя хотя происходятъ изъ того же корня, то-есть изъ несовершенства человѣческой природы, но каждый разъ являются въ новомъ видѣ.

На самомъ дѣлѣ, разберемъ, въ чемъ состоятъ немощи нашего времени, какіе присущи собственно намъ недостатки и пороки, въ чемъ мы заблуждаемся,—въ чемъ заключается болѣзнь современнаго намъ общества.

Намъ кажется, что болѣзнь эта заключается не въ

излишествѣ какой либо страсти, не въ незнаніи какой либо истины. Скорѣе, мы болѣемъ отсутствіемъ пламеннаго стремленія, отсутствіемъ способности къ живому и глубокому впечатлѣнію, холодностью сердца, излишнимъ себя любіемъ; мы болѣемъ не незнаніемъ, а излишнимъ многознаніемъ, самомнительностью и презрѣніемъ; мы заботимся не объ изученіи истины, но и того, что ложно, что прямо вредно дѣйствуетъ на разумъ и на чувство.

Но, возразятъ намъ, развѣ знаніе можетъ быть когда нибудь лишнимъ, развѣ оно можетъ быть ложнымъ, развѣ цѣль знанія не есть истина? И люди, говорящіе это, въ доказательство справедливости своихъ словъ будутъ приводить примѣры изъ исторіи вѣковъ минувшихъ примѣры открытій, имена великихъ дѣятелей науки: Галилея, Коперника, Ньютона.... Они могутъ сказать намъ:

— Вотъ люди, всю свою жизнь посвятившіе наукѣ, открывшіе намъ великія истины. А развѣ эти открытія были тогда же признаны всѣми? Развѣ не должно было протечь много и много лѣтъ прежде, чѣмъ отдана была имъ справедливая дань уваженія, прежде чѣмъ истинность ихъ открытій, вытекшихъ конечно изъ знанія, получила право гражданства.

На эти, могущія послышаться, рѣчи, мы заранѣе отвѣтимъ, что вовсе и не думаемъ оспаривать полез-

ность знанія; мы вполнѣ увѣрены, что знаніе дѣйствительно есть сила. Но какъ и всякая другая сила, оно можетъ быть направлено на добро или зло; можетъ принести пользу или вредъ, смотря потому, какія цѣли руководятъ человѣкомъ, обладающимъ этимъ знаніемъ, куда онъ стремится.

Наше время таково, что глубокій эгоизмъ получаетъ въ обществѣ не только право гражданства, но и считается даже добродѣтелью. Все, что не носитъ съ нами одного знамени, клеймится презрѣніемъ, оскорбляется насмѣшками. Мы не хотимъ дать мѣста противоположнымъ мнѣніямъ, считая самихъ себя неизмѣримо выше и непогрѣшительнѣе всѣхъ остальныхъ. А изъ этого выходитъ, что истина все болѣе и болѣе затемняется, что, разъ ставъ на ложный путь, мы не хотимъ, несмотря ни на какіе доводы, свернуть съ него. Мы не вѣримъ даже тому, что въ очію совершается передъ нами, если только совершающееся разногласитъ съ нашими предвзятыми теоріями. Къ совершенному сожалѣнію, должно сказать, что мы утратили свѣжесть непосредственнаго чувства, что мы утратили сердечную теплоту. Самовосхваленіе, самодовольство мы возвели до ужасающихъ размѣровъ: это какое-то чудовище, пожирающее собственныхъ своихъ дѣтей. Мы гордимся тѣмъ, что можемъ не отдаваться первому влеченію сердца, что можемъ не увлекаться, что въ насъ не

возбуждаетъ восторга то, что возбуждаетъ восторгъ въ людяхъ, для которыхъ прекрасное въ природѣ существуетъ само по себѣ, для которыхъ на первомъ планѣ стоитъ не разсудочная способность, а чувство теплое и живое. Мы все хотимъ разчислить и измѣрить, все хотимъ взвѣсить и всему подвести итогъ. И, понимая невозможность выполнить это невыполнимое желаніе, рѣшаемся отрицать неизвѣстное намъ потому только, что оно для насъ неизвѣстно. И развѣ не ложь это отрицаніе? Человѣкъ безсиленъ, а потому отрицаетъ силу во всѣхъ остальныхъ людяхъ... Не назвали ли бы сами мы этого человѣка безумцемъ? Не появилась ли бы на лицѣ у насъ при встрѣчѣ съ подобнымъ человѣкомъ улыбка жалости? А между тѣмъ не видимъ ли мы повсечасно въ нашемъ обществѣ подобныхъ отрицателей. И вотъ почему мы сказали, что наше время особенно отличается стремленіемъ къ ложному знанію, то-есть къ такому, которое ведетъ не къ раскрытію истины, а къ затемнѣнію оной. И хотя понятно, что это затемнѣніе не можетъ быть продолжительно, но оно можетъ существовать какъ переходный моментъ. Здѣсь не мѣсто разбирать причины этого явленія, ибо разборъ этотъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы возвратимся къ разъясненію характерическихъ чертъ проповѣдей высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филарета.

Противъ этой болѣзни нашего времени, противъ умственной сухости, противъ сердечной холодности, противъ вялости чувства, себялюбивой изнѣженности, противъ нашей надменной самомнительности—проповѣдникъ долженъ дѣйствовать или прямо на сердце, дабы размягчить наше чувство, или прямо на разумъ, дабы навести человѣка на истинный путь путемъ сознанія.

Мы говорили, что церковное слово необходимо должно быть современнымъ, чтобъ тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на слушателей; проповѣдникъ долженъ знать не только духъ своего народа и паствы, но и духъ своего времени. Всѣ знаменитѣйшіе проповѣдники всегда внимательно наблюдали за направленіемъ своего вѣка и усиленно боролись съ господствовавшими въ немъ пороками. Творенія Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова суть самыя яркія выраженія современнаго имъ общества, и потому такъ сильно и убѣдительно было ихъ краснорѣчіе, что вѣрно приспособлялось къ потребностямъ ихъ времени. Потому-то и у насъ въ Россіи въ свое время пользовались такимъ великимъ значеніемъ Ѳеоѳанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій.

Проповѣдникъ долженъ наблюдать за всѣми происшествіями своего вѣка, какъ блюститель вѣры, какъ неусыпный стражъ добродѣтели и нравственности христіанской. Его высокая обязанность заключается въ

томъ, чтобъ отвлекать насъ съ ложнаго пути на путь истинный и правый. Высоко его призваніе, и тѣмъ выше и чище долженъ онъ быть духомъ, чѣмъ порочнѣе и эгоистичнѣе окружающее его общество, чѣмъ глубже пало оно. Не трудно доказать человѣку добродѣтельному, что добродѣтель есть высшее достоинство; человѣку религіозному, что религія — величайшее благо. Но трудно спасти отъ бездны человѣка, добровольно хотящаго въ нее ринуться.

Было уже сказано, что проповѣдникъ можетъ двояко дѣйствовать на своихъ слушателей: путемъ разума и путемъ чувства. Эти два совершенно противоположные способа дѣйствованія противъ недостатковъ нашего времени нашли себѣ представителей въ двухъ знаменитѣйшихъ современныхъ намъ учителяхъ нашей церкви; въ покойныхъ высокопреосвященномъ митрополитѣ Филаретѣ и архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ Иннокентіи. Первый дѣйствовалъ преимущественно на разумъ путемъ умственнаго убѣжденія; второй — преимущественно на сердце, возбуждая чувство. Говоря *преимущественно*, мы не хотимъ сказать, чтобъ одна способность совершенно исключала другую, но только то, что одна вмѣщаетъ въ себѣ другую, какъ необходимую, но подчиненную силу.

Чѣмъ ярче и, такъ-сказать, выпуклѣе выражается въ проповѣдникѣ его господствующая сила, тѣмъ болѣе

дѣйствія имѣютъ его проповѣди. Если же эта особенность характера и направленія не только не утрачиваетъ силы, но съ теченіемъ времени, въ каждомъ новомъ произведеніи пріобрѣтаетъ болѣе значительное развитіе, то въ такомъ случаѣ проповѣди представляютъ постепенное возрастаніе могущества и красоты духовнаго слова, что мы и замѣчаемъ въ твореніяхъ Филарета.

Глубокая сосредоточенность мысли, строжайшая послѣдовательность въ развитіи темы, сила выраженія составляютъ неотъемлемую принадлежность каждаго слова этого архипастыря. Никто изъ нашихъ проповѣдниковъ не обладаетъ такимъ великимъ искусствомъ проникнуть въ самую глубину содержанія текста, избраннаго для проповѣди, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, раскрыть весь его смыслъ. Сжатость и совершенная чистота, сила и точность, строжайшая правильность, простота, нисходящая до языка простой бесѣды и вмѣстѣ необыкновенное изящество — суть отличительныя свойства его образцоваго слова. Какъ по внутреннему содержанію, такъ и по языку, по формѣ, по тщательной отдѣлкѣ, рѣчи его представляютъ верхъ совершенства ораторскаго искусства. Отъ нихъ вѣетъ твореніями древнихъ великихъ учителей церкви, тѣми твореніями, которыя онъ такъ любилъ изучать.

Говоря объ особенныхъ достоинствахъ рѣчи въ проповѣдяхъ Филарета, одному только ему свойст-

венныхъ, слѣдуетъ упомянуть о введеніи имъ новыхъ словъ и выраженій, или, лучше сказать, не однихъ только новыхъ не существовавшихъ дотолѣ оборотовъ, но и возобленныхъ, бывшихъ прежде въ употребленіи и снова пущенныхъ въ ходъ. Новыя слова, употребленныя высокопреосвященнымъ Филаретомъ, суть плодъ глубокаго знанія церковно-славянскаго языка; они состоятъ: а) въ отдѣльныхъ реченіяхъ, напримѣръ: благобытіе, самовладыка, отствѣтъ, самочиніе, преднаписывать, источный, праволучный, привергать, дѣйственный и проч.; б) въ выраженіяхъ, напримѣръ: бѣгущій взоръ (вм. бѣглый взглядъ), образы міра движутся предъ лицомъ пустыни; созрѣвать до готовности быть преемникомъ, собрать себя въ молитву; радуемся видѣть,--съ церковно-славянскаго: радуемся яко исполинъ тещи въ путь и т. п. перечислить которыхъ не достанетъ ни мѣста, ни возможности.

Мы потому упомянули объ этомъ нововведеніи высокопреосвященнаго Филарета, что какъ внутренній характеръ проповѣди долженъ возникать изъ духа библіи и церкви и изъ отношенія сего духа къ духу народа и времени, такъ и внѣшній характеръ (слогъ, языкъ) только тогда имѣетъ свою особенную физіономію, когда въ немъ языкъ отечественный, разговорный, растворяется языкомъ библейскимъ, церковнымъ. Подъ языкомъ библейскимъ мы подразумѣваемъ языкъ перевода библіи;

подъ церковнымъ — языкъ литературы богослужебной, литературы проповѣднической, литературы богословской или учебной систематической. Умѣнье или способность соединить ихъ во едино и составить совершенно особенный, рѣзко отличительный слогъ есть даръ врожденный, но на помощь ему необходимо должно явиться глубокое изученіе духа и формъ языка. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ въ высокой степени обладалъ высокопреосвященный Филаретъ. Языкъ его проповѣдей является цѣльнымъ и органическимъ, съ совершенно индивидуальною физіономіею.

Выразивъ такимъ образомъ отличительныя свойства краснорѣчія митрополита Филарета, мы намѣрены представить здѣсь краткій разборъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ его словъ, именно «слова въ Великій Пятокъ.»

Проповѣдь начинается необыкновенно краснорѣчивымъ вступленіемъ, въ которомъ заключенъ глубокій смыслъ:

«Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? нѣтъ болѣе Слова. Слово, собезначальное Отцу и Духу, начало всякаго слова живаго и дѣйственнаго, умолкло, скончалось, погребено и запечатано.» (Приступъ)

Сказавъ такимъ образомъ, что у служителей Слова какъ бы нѣтъ предмета для слова, ораторъ отыскиваетъ этотъ предметъ. Онъ говоритъ: «Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не

совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но воспріемлетъ тогда новую силу, и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и серцахъ слышавшихъ: такъ Ипостасное Слово Божіе, въ своемъ спасительномъ вочеловѣченіи, умирая плотію, въ то же время исполняетъ всяческая; умолкаетъ для того, чтобы сильнѣе глаголать къ намъ; умираетъ, чтобы даровать намъ свое наслѣдіе. Но первые наслѣдники Его не обрѣли по его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ преподавали желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. (Переходъ отъ приступа къ предложенію).

«Чтожь это значитъ? То, что христіанину многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе, которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть дверь царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе «слова крестнаго». Принесемъ оное, какъ каплю мѵра, ко гробу Слова животворящаго (Предложеніе).

Итакъ предметъ для слова найденъ: это слово крестное, слово о крестѣ. За симъ начинается изложеніе, раздѣляемое на двѣ части: первая изображаетъ крестъ, понесенный Спасителемъ, вторая—крестъ, который должны нести христіане.

Часть 1-я. Прежде нежели Сынъ Божій понесъ

крестъ свой, онъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ сдѣланъ изъ древа познанія добра и зла. Едва прикоснулся къ нему первый человѣкъ, какъ тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть ополчились на него и низринулся бы сынъ гнѣва во адъ, если бы Сынъ Божій не усвоилъ себѣ крестъ его. Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный начальникомъ нашего спасенія? Кто взвѣситъ его тяжесть?

Ораторъ показываетъ, что вся жизнь Іисуса отъ воплощенія его до дня вступленія въ служеніе спасенія рода человѣческаго, и ото дня вступленія до смерти была единый крестъ. Это исчисленіе крестовъ, понесенныхъ Спасителемъ, есть образецъ духовнаго краснорѣчія по глубинѣ богословскаго изслѣдованія, по краткости и силѣ изображенія Спасителевой жизни, и по выраженію ораторскому Оно начинается словами «божество соединяется съ человѣчествомъ...» и оканчивается обращеніемъ къ Богу: «Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего?...» Нѣкоторыя мѣста этой части суть особенно краснорѣчивыя патетическія изліянія религіознаго вдохновенія.

Говоря о молитвѣ Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ, ораторъ входитъ въ объясненіе смертной скорби Іисуса, которая можетъ нѣкоторымъ показаться недостойною безстрастнаго: онъ доказываетъ, что эта скорбь есть дѣйствіе не человѣческаго нетерпѣнія, но Боже-

скаго правосудія. Чаша, которую подалъ Спасителю Отецъ его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ.

Слѣдуетъ *переходъ ко второй части*. Сколь ни велика всепривлекающая сила Іисуса Христа, но Онъ не иначе можетъ влещи насъ вслѣдъ Себѣ, какъ чрезъ водруженіе креста своего въ насъ.

Часть 2-я. Въ ней развиты слѣдующія мысли: 1) необходимость креста человѣку для спасенія; 2) дары Божіи, пріобрѣтаемые несеніемъ креста, и примѣры великихъ ангеловъ, водителей и хранителей церкви, воспитанныхъ въ училищѣ креста; 3) изображеніе людей, не желающихъ нести крестъ Христовъ.

Заключеніе. Поучительное наставленіе человѣку искать въ крестѣ средства изникнуть отъ міра и вознестися къ Богу. Ораторъ, видя во всемъ таинственную силу креста, указываетъ слушателямъ на человѣка, который спасается отъ потопленія, возобновляя въ членахъ своихъ образъ креста, и на птицу, которая, желая вознестись отъ земли, простирается въ крестъ.

Это слово, разборъ котораго только-что приведенъ нами, представляетъ высокій образецъ духовнаго краснорѣчія, какъ по глубинѣ мысли, такъ и по формѣ, по расположенію, по развитію и выраженію. Въ немъ выражается вся мощь глубокаго ума покойнаго наше-

го архипастыря, всѣ его отличительныя свойства, все его искусство....

Мы съ намѣреніемъ остановились на разборѣ этого слова, ибо въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ самыя яркія особенности, всѣ отличительныя качества, всѣ великія достоинства проповѣдей митрополита Филарета. Оно есть, такъ сказать, мѣрило для его ораторскаго краснорѣчія, для его значенія, какъ проповѣдника; въ немъ одномъ уже ясно выражается, какъ глубоко проникалъ архипастырь вь сущность взятой имъ темы, какъ всесторонне обнималъ онъ ее и какъ послѣдовательно развивалъ. Это слово принадлежитъ еще къ раннимъ его произведеніямъ, отличающимся преимущественно глубиною мысли, понятной не каждому, его изложеніе еще слишкомъ высоко, слишкомъ поразительно прекрасно, чтобъ быть доступнымъ людямъ мало образованнымъ. Не то замѣчаемъ мы въ послѣдующихъ твореніяхъ Филарета. Въ нихъ онъ совершенно отказался отъ всякихъ ораторскихъ украшеній; эти проповѣди его, при всемъ своемъ глубокомысліи, такъ просты по изложенію, что не знаешь чему удивляться: глубинѣ ли ихъ содержанія, или простотѣ ихъ выраженія. Это—простыя бесѣды, соединяющія въ себѣ и всю высоту духовной мудрости и глубокаго знанія, и неизъяснимую простоту, отличающуюся дивнымъ изяществомъ. Въ нихъ мы какъ будто слышимъ снова голосъ перво-

учителей христіанства, свыше одаренныхъ способностью облекать самыя высокія истины, самыя отвлеченныя умозрѣнія въ такъ понятныя, такъ доступныя для каждаго формы. На нихъ ярко отразилось глубокое изученіе митрополитомъ Филаретомъ отцевъ церкви. Но они, — эти бесѣды, — не мещутъ громы и молніи, не слышно въ нихъ грознаго слова негодованія, нѣтъ! Въ нихъ многолюбящій пастырь кротко и любовно призываетъ вѣрующихъ на истинный путь спасенія. Онъ не казнитъ порокъ негодующимъ словомъ, но умоляетъ оставить заблужденія и обратиться къ истинѣ. Несовершенства наши только сильнѣе возбуждаютъ въ немъ любовь его къ человѣчеству, только сильнѣе заставляютъ его скорбѣть о своихъ заблудшихся овцахъ. И, какъ добрый пастырь, онъ не наказываетъ ихъ бичомъ, а кроткимъ голосомъ созываетъ въ стадо.

Разборъ нашъ кратокъ, мы сознаемъ это, но самые размѣры нашего труда не давали намъ возможности отдѣлить этому разбору болѣе обширнаго мѣста. Дѣятельность митрополита Филарета, для того, чтобъ быть обнятой со всѣхъ сторонъ, требуетъ не столь тѣсныхъ рамокъ. И еще не настало, по нашему мнѣнію, то время, когда она можетъ быть подвергнута болѣе подробному обслѣдованію. Судъ исторіи еще не насталъ. Покойный еще такъ близокъ къ намъ. Мы еще не можемъ спокойно относиться къ нему, а это спокойствіе

необходимо для правильной и точной оцѣнки. Его личность какъ бы подавляетъ насъ своимъ величіемъ. Мы можемъ только сожалѣть объ утратѣ, мы пока можемъ только скорбѣть, но еще не въ состояніи взвѣсить всю ея тяжесть. Чѣмъ дальше отходитъ отъ насъ какое-нибудь лицо или время, тѣмъ цѣльнѣе представляется оно намъ, тѣмъ съ большимъ самообладаніемъ можемъ мы отнестись къ этому лицу или времени. И понятно, чѣмъ величавѣе это лицо, чѣмъ обильнѣе событіями это время, тѣмъ труднѣе въ первыя минуты опредѣлить его значеніе: необходимо, чтобъ вино перебродило и устоялось. Вотъ причины, по которымъ мы довольствуемся самымъ краткимъ, хотя и полнымъ, по возможности, описаніемъ жизни покойнаго митрополита Филарета. Перейдемъ теперь къ исчисленію его богословскихъ сочиненій.

Изъ его богословскихъ и ученыхъ сочиненій особенно достойны вниманія слѣдующія:

1) Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ россіянъ въ войнѣ 1812 года.

2) Опытъ изъясненія псалма XXVII.

3) Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ въ православіи греко-россійской церкви.

4) Начертаніе церковно-библейской исторіи.

5) Записки на книгу Бытія (первый въ Россіи опытъ ученаго изъясненія священнаго писанія).

6) Пространный катихизисъ, одобренный Св. Синодомъ и принятый руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

7) Поучительныя слова, 3 тома (1820).

8) Слова и рѣчи, 2 тома, съ портретомъ автора (1848),

9) Слова и рѣчи, имъ произносимыя, напечатанныя въ прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ.

Нѣкоторыя произведенія его духовнаго краснорѣчія переведены на французскій языкъ Стурдзою и изданы подъ названіемъ: «Oraisons funèbres, homelies et discours, par Monseigneur Philarète, metropolitain de Moscou» (1849).

Нашъ трудъ оконченъ. Мы выяснили, на сколько было это для насъ возможно, значеніе покойнаго митрополита Филарета для всей православной церкви; мы указали на его всѣми признанныя заслуги, мы дали его пока возможно полную біографію и намъ не остается ничего болѣе, какъ только съ печалью воскликнуть: «Да, не стало въ Россіи еще одного великаго человѣка!...»

Но богата русская земля, силенъ и могучъ русскій народъ! Пусть судьба лишаетъ насъ нашихъ лучшихъ дѣятелей, пускай отлетаютъ отъ насъ они, подобно тому, какъ облетаютъ древесные листья, срываемые порывами бурнаго вѣтра,—мы глубоко вѣримъ и надѣемся, что земля Русская не оскудѣетъ. Лѣтомъ на ни-

вахъ сѣятель собираетъ жатву, а весной снова бросаетъ въ плодородную землю сѣмена—и, по милости Всемогущаго Бога, на другое лѣто собираетъ новую жатву. Что же, ужели мы усумнимся въ милосердіи Божіемъ? Нѣтъ, крѣпка наша вѣра,—та вѣра, которая вела и ведетъ насъ путемъ трудныхъ испытаній къ великой и блистательной будущности. Что ожидаетъ насъ впереди,— мы не знаемъ: быть можетъ еще не одно испытаніе готовится намъ, быть можетъ мы переживемъ не одну еще трудную минуту, но мы вѣримъ въ звѣзду нашу, мы вѣримъ, что рано или поздно, подобно солнцу, засіяетъ эта звѣзда и ослѣпитъ своимъ яркимъ блескомъ весь міръ. И эта-то вѣра даетъ намъ силу при перенесеніи всѣхъ нашихъ невзгодъ, всѣхъ нашихъ неудачъ и тяжелыхъ бѣдствій.

Свѣти же яркимъ свѣтомъ благодатная вѣра!

КОНЕЦЪ.

Цѣна рубль серебромъ.